

606 2/9

А. И. МУСУКАЕВ

Д

**К ИСТОКАМ
ФАМИЛИИ**

Дружественное общество

А. И. МУСУКАЕВ

**К ИСТОКАМ
ФАМИЛИЙ
ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ**

63.5(2рос = каб)

М 91

63.5(2Р37 — 6 к — Б)
М — 916

Рецензенты:

доктор исторических наук **Х. М. Думанов**
доктор исторических наук **С. Х. Мафедзев**
доктор исторических наук **С. И. Эфендиев**

Книга отпечатана за счет средств автора.

606219

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Человек и история...

Песчинка и вечность...

Но именно эта малая величина оставляет свой глубокий след в исторических событиях, малых или больших. Проходя через мгновения истории, человек остается в неведомой нам вечности, но он всегда передает последующим поколениям творения материальной и духовной культуры.

К числу бесценных богатств последней относятся мировоззрение народа, традиции, нормы поведения, фольклорное наследие. Они не только сопровождают историю, они становятся ею. Об этом свидетельствуют и универсальные черты кабардинского и балкарского этносов, стремящихся на всех этапах своего развития к общественной взаимосвязи, солидарности и идеологическому единству родственников по крови.

Следовательно, осмысливая себя, свое место в жизни и обществе, человек, естественно, заботился о своей исторической памяти, о том духовном наследии, что он оставит детям и внукам. Философское осмысление окружающей жизни, быстротечности времени заставляло человека задуматься о передаче накопленного опыта последующим поколениям. Таким связующим звеном между прошлым и будущим является фольклор, в частности, предания о роде. В них запечатлелась древнейшая история народов, отразились этногенетические процессы, просматривается этимология топонимических названий.

Как появились первые фамилии?

Почему принято детям давать фамилию отца? Могло ли имя, прозвище, профессия, место жительства стать основой для возникновения фамилии? Сразу ли появились фамилии или они на протяжении определенного времени менялись, трансформировались?

На эти и некоторые другие вопросы мы попытаемся подробно ответить.

Мы считаем, что проблемы преемственности поколений, воспитания детей, сохранения своего корня, рода, единства, актуальные всегда, сегодня приобретают осо-

бую злободневность. Мешает ли сохранение традиций своего рода и национальных традиций воспитанию человека интернационального, гуманного, стремящегося познать чужую культуру и историю как свою? Думается, что нет. Стремление сохранить честное имя ушедших, не опозорить свой род и фамилию дурным поступком, сохранить честь своей фамилии будут, на наш взгляд, способствовать воспитанию культурного, советливого, честного человека.

Данная книга — первая попытка историко-этнографического осмысления фамильных легенд и преданий. Разумеется же, многие из них имеют другие, параллельные, толкования, варианты.

Далеко не все легенды нами найдены и проанализированы. Одно и то же фамильное имя в разных районах имеет разные варианты.

Мы обращаемся к читателям, заинтересованным в восстановлении, правильном толковании своей фамилии, откликнуться на нашу просьбу: прислать легенду о своем роде, известную Вам генеалогию фамилии на кафедру всеобщей истории КБГУ.

Автор выражает глубокую благодарность всем информаторам, оказавшим помощь в сборе материала для данной книги.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ФАМИЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Система наименований, складывавшаяся веками, запечатлела сложные процессы политического и социально-экономического развития Кабарды и Балкарии, различные факты социального расслоения горских обществ, сложную, но исключительно богатую традициями и культурой историю наших народов. Фамилии отразились и в топонимике, и эпонимах.

В названиях ряда местностей просматривается даже такой древнейший период, как усиление в обществе роли мужчины, формирование и развитие патриархата. В частности, на Кызбуруне есть место, называемое «КъафэпІэж» — «старая танцевальная площадка». Здесь еще лет 80—90 назад кызбурунцы праздновали большие торжества. Но есть старая легенда об этой горе. Она повествует о том, что было время, когда с высокого уступа сбрасывали немощных старцев. Однажды житель этих мест, пожалев своего отца, не подчи-

нился общим законам и спрятал его в укромном месте. Когда спустя некоторое время на село нагрянула беда, люди оказались в растерянности: они впервые столкнулись с ней, а спросить или посоветоваться было не с кем — людей преклонного возраста, уже видевших подобное несчастье, на селе не осталось. Принеся в очередной раз пищу отцу, сын поведал ему о случившемся, тот, поразмыслив, дал благоразумный совет и тем самым спас односельчан, когда-то приговоривших его к смерти. Впредь сельчане навсегда отказались от варварских порядков, стали окружать стариков вниманием, беречь их старость, прислушиваться к их советам, выполнять их.

Подобное кызбурунскому есть место и юго-восточнее Ерокко: «Ерокъуашхъэ» — ее называют «злой горой», древняя легенда, о которой также связана со сбрасыванием в плетеных корзинах старцев, достигших преклонного возраста.

Подобный мотив встречается и в некоторых нартских сказаниях.

Определенные этапы истории кабардинцев и балкарцев нередко фиксировались в названиях населенных пунктов. Так, в междуречьи Баксана и Гунделена можно встретить остатки поселения Думаныкъуей, названного так по имени мудрого старейшины этого населенного пункта.

Фамильное предание Джатоковых повествует о том времени, когда военные столкновения и феодальные розни между разными родами адыгов и другими народами Северного Кавказа считались обычным делом, когда один род мог завоевать и закабалить другой и, что в одном из сражений между двумя родами победителями стали вооруженные мечами — «джатэ».

Согласно логической семантике и истории, близкой фамильному преданию Джатоковых, родился образующий одну грамматическую категорию фамильный знак Гятовых — «Джатэ».

Время военной демократии отпечаталось на фамильном имени Даовых. Одни информаторы считают, что фамилия происходит от «Дау пшы ябгэ» — «жестокый и религиозный днязь», другие от «дауэ» — «спорить». Для споров действительно были веские предпосылки: борьба за земельные владения и господство. Фамильное предание Даовых относит их корни к IV—V веку, местом жительства называет земли нынешнего

Этоко. Даовых было восемь братьев, сражаясь со своими врагами, они погибли все, самый младший погиб на берегах Баксана. Их единственная сестра, облачившись в военное снаряжение, жестоко отомстила за братьев. Затем она увела остатки своего рода за Малку.

Вполне определенно, что период военной демократии и феодализма оставили память адыгам и балкарцам в фамильных именах героических нартов и простого народа (Бадинокovy, Нартовы, Сосруковы, Рачыкауовы, Темиркановы, Бекболатовы, Батыровы) и в материнальной культуре; Хуновы и Гоншарыковы. Фамилия Хуновых происходит от слова «Хъун», что означает старинное название ложки,— Гоншарыковых (Гуэншырыкъхэ) связана с тем временем, когда адыги носили специфическую обувь.

Только в феодальный период могла возникнуть фамилия «Желетежевых» — «опередивший односельчан», и связана она была с обычаем одаривания, базировавшимся, по словам академика М. М. Ковалевского, на взаимопомощи и материнальной поддержке более бедных соотечественников, соседей и представителей других народов. Таких гостей называли «гостями с просьбой». Согласно легенде один из крестьян отправился к князю Коголкину с просьбой о выделении ему двух быков для пахоты, но получил от него в дар 4 быков, и 20 баранов. На прощание молодой князь заметил, что он только стал главой семьи и первым с просьбой к нему обратился этот крестьянин, опередив своих односельчан и, что он рад ему помочь.

Об определенно выраженном социальном неравенстве в среде кабардинских и балкарских обществ говорят имевшие место такие фамилии, как Байсиевы (богачи), Бейтугановы (богачи), Атабиевы (атабий — богатый отец), Варквасовы (стоящие князья), Узденовы (дворяне), Унаутовы (рабы), Паштыховы (главенствующие). Социальными критериями определялось фамильное имя Бацевых из Кармово (Каменномостское). Дословный перевод термина Бацэ — «лохмотья», указывающий, вероятно, на крестьянское происхождение фамилии, малообеспеченность, внешний вид. Хотя носители этой фамилии этимологию слова «Бацэ» объясняют, как «лохматый, растрепанный». Однако, если бы это было так, то и термин должен был бы звучать «Бэлацэ».

Корни шалушкинских Князевых восходят к живше-

му восемь поколений назад их родоначальнику по имени Мыгъуэр, в свое время плененного князем Кундетовым у одной из очень богатых семей казаков Ставрополя. Поэтому и за потомками его закрепилось фамильное имя Князевых.

О подвижности социального статуса в кабардинском селе можно судить по фамилии Теуниковых из Н. Курпа (до революции Къаншыуей). Их родоначальник, по специальности кузнец, очень работающий и предприимчивый человек, стал одним из богатых в селе людей. С легкой руки «лурыбжэ» — «весельчак, говорящий села», он получил фамильное прозвище «ТеуныкI» от слова «теуныкIа», означающего «семья, ставшая домом» или «приобретшая благосостояние».

О существенных изменениях общественных отношений у кабардинцев и других народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. свидетельствует фамилия Пшиуновых. Втягивание Кабарды в систему всероссийского рынка, особенно сельского населения, способствовало расслоению крестьянства и обогащению некоторой ее части за счет предпринимательства, ростовщичества, арендных отношений, кабалы. Вероятно, один из предков Пшиуновых смог на волне складывавшихся капиталистических отношений в Кабарде стать богаче односельчан, обзавестись достойным хозяйством, построить характеризующийся изобилием дом: «пши» — «князь», «унэ» — «дом».

Подобными же причинами объясняется и фамилия Бецуковых «БейцIыкIу — маленький богач) из Джанхотово (Псыгансу).

Малкинские (Ашабово) Пшиуновы считают, что объяснение их фамилии больше связано с образом жизни их предков, поведением, достойным представителей господствующих классов.

Духовная сущность членов семьи определялась состоянием двора, жилища, построек, интерьером дома. И не всегда на первом месте было богатство и дорогое убранство, чаще — вкус, порядок, чистота. Большой частью в горских семьях родители жили с женатыми сыновьями и внуками, что приучало членов семьи к домашнему хозяйству, выполнению своих обязанностей, взаимопомощи, уважению к старшим. Мальчики и юноши учились у главы семьи мужским качествам: уменью владеть собой, быть мужественным, но скромным, сильным, но добрым, тактичным и отзывчивым. Образ

горской женщины — матери ассоциировался с теплом домашнего очага, с добротой и пониманием, с любовью и заботой о каждом члене семьи, с воспитанием детей и порядком в доме.

В прошлые века фамилии часто образовывались в связи с активными миграционными процессами, имевшими место на Кавказе, экономическими (производство, торговля) и духовными (семейно-брачные отношения, аталычество, искусственное родство, гостеприимство), контактами, стремлением к общению, дружбе и взаимопониманию. Не случайно уже в древности адыги говорили: «ХьэщIэ зи жагъуэм жагъуэжъу и куэдщ» — «У негостеприимного — много врагов».

В той же традиции гостеприимства наглядно проявлялись социальные различия в горских обществах, а зачастую и отношение представителей различных княжеских фамилий к тонкостям ритуала. Из уникальных рассказов потомком Атажукиных, Лафишевых, Коновых, Кундетовых, Касаевых, Абаевых, Урусбиевых и других видно, что соперничавшие между собой князья могли в процессе застолья дать понять гостю о занимаемом им месте в обществе путем распределения пищи. Разумеется, такой намек не оставался без последствия, он нередко служил началом жестокой вражды.

Археологические раскопки, проводившиеся на Северном Кавказе еще в XIX веке, свидетельствуют, что предки адыгов и балкарцев издревле интенсивно торговали и поддерживали связи не только со всеми народами Северного Кавказа, но и Грузии, Армении, Персии, Руси, Европы. Растущая тяга друг к другу особо ярко проявлялась в публикациях миссионеров, путешественников и политических деятелей, которые во избежание недопониманий и конфликтов изучали языки народов Кавказа, нюансы речевого общения и этикета, обычаи, традиции, обряды, ценностную характеристику региона. Об этом говорит и культурная общность северокавказцев, проявляющаяся во всех сторонах их жизни и быта.

Миграции северокавказских народов и в том числе кабардинцев и балкарцев относились к разным по времени периодам истории и, естественно, не отражались на этнических особенностях того или иного народа. Через 2—3 поколения переселенцы ассимилировались в местной среде, воспринимая национальные особенности, язык и психологический склад этноса, где они

обосновались. Но генетические предания всегда напоминали о корнях их происхождения. Именно они донесли до нас многочисленные истории о покровительстве беженцев от кровной мести отдельными общинами и владельцами: Анзоровыми, Лафишевыми, Абаевыми, Кайтукиными, Атажукиными, Касаевыми, Мисостовыми, Суншевыми, Урусбиевыми. Это напоминало древний порядок покровительства — патронат, но отличалось тем, что ищущие защиты воспринимались как беженцы на правах гостя.

В соблюдении традиций гостеприимства адыг и балкарец были бескомпромиссны. Хан-Гирей замечал, что всегда сдержанный и корректный горец мог прийти в бешенство при покушении на его гостей и быть прекрасным в своей «благородной» грубости, ибо это покушение было непростительной попыткой попрасть законы предков. Подобная история произошла с нижнечегемскими Байрамкаевыми, считавшимися в ущелье излишне мягкими, миролюбивыми и даже безответными людьми. Случилось так, что один из друзей их семьи, кабардинец по национальности, во время ссоры убил своего односельчанина, человека из богатой семьи. Кровника, скрывавшегося в доме Байрамкаевых, обнаружили и потребовали его выдачи, и даже односельчане Байрамкаевых поддержали это требование. Мужчин дома нельзя было узнать в их гневе за предложение выдать беглеца, и их отказ был категорическим. Однако, сам кровник, понимая, какую ответственность он возлагает на приютившую его семью, ночь покидает дом и пытается уйти в сторону Жемталы. Утром его нашли мертвым. Глава семьи Байрамкаевых, прославившийся в Чегеме как рассудительный и спокойный человек (его нередко приглашали посредником или медиатором конфликтов), посчитав себя оскорбленным, спустился на равнину в кабардинское село и потребовал у мстителей объяснения. И только убедившись, что виновником в этом происшествии был его друг, вернулся домой. Поведение Байрамкаевых было одобрено и самими кровниками, и их однесельчанами.

В некоторых легендах встречаются иные варианты случаев возникновения мести из-за непочтительного отношения к гостю. Например, близ села Лечинкай, в местечке «Баценкьуз» имеется надгробная плита.

Предание повествует о том, как гостивший у сына Бацы знатный человек посчитал себя оскорбленным за

полученный подарок, который, по его мнению, был недостойн его социального положения. А подарил хозяин гостю рабыню, которая перед отъездом гостя заметила ему: «Неужели такого гостя, как Вы, удовлетворят объедки сына Бацы». Так родилась месть.

Немало случаев кровной мести, в результате которой люди покидали родные места, встретим мы в фамильных легендах и преданиях. Как и всякое произведение устного творчества, легенда нередко романтизирует события, наделяя их новыми деталями, событиями.

В результате колониальной политики царского правительства в отношении адыгейцев из своих родных мест бежал в Кабарду, в Бабуково, жановец Аслануко. Здесь самого Аслануко, его сына Каншао и внука Зеша прозвали «Жанэ». Жанэ Зеша, как и другие жители Бабуково, в результате новых конфликтных ситуаций между царскими властями и жителями кабардинских сел, и в частности, Бабуково, оказался в селе Гужежево на левом берегу Нальчика. Но и здесь жизнь Зеша и его семьи не сложилась. Охватившая край чума унесла многие жизни горцев. Из рода Жанэ выжил двенадцатилетний Исхак, ставший впоследствии батраком у Берсековых и получивший их фамилию. По прямой линии род Жанеевых — Берсековых можно представить следующим образом: Аслануко — Каншава — Зеша — Исхак — Мала — Цута — Мухамед — Мурат. Окончательно Берсековы обосновались в Къесын Хъэблэ, в дальнейшем объединившемся с рядом других поселков в Қлишбиево (Нартан). В наши дни в Нартане Берсековых проживает 22 семьи.

По словам Миши Куржияевича Бижоева, 1905 г. р., из Старого Уруха, предки их фамилии пять поколений тому назад в результате кровной мести покинули Грузию. Предание гласит: трое братьев из Южной Осетии, повздорив с князем, бежали в Кабарду: старший — в Старый Урух (Хъэтуей), средний — в Малую Кабарду и третий — на Малку. Попросивший убежище в Хъэтуей, назвал себя Бичо (по-грузински «парень»). Его потомки стали Бичоевыми, но при переписи их записали Бижоевыми.

Нашли кров и тепло в Аушигере братья — осетины Щэрэмырза и Щэрэлъыкуэ Дзугуровы, также явившиеся жертвами конфликта. Потомки старшего остались Дзугуровыми, младшего — стали Шеретлоковыми.

Крайне неуживчивым оказался осетин Буго. Кон-

фликти с князем и некоторыми односельчанами заставили его покинуть свое село, а затем и Сармаково, где он также не справился со своим неуживчивым характером. Окончательно поселился он в Кубе. Никто не знал его осетинской фамилии и называли его по имени — Буго, что и дало основание в дальнейшем возникновению фамилии — Бугов.

Гунделеновец Мушкой Маглуев отличался чрезмерным самолюбием и был крайне задирист. Его характер явился причиной драки с одним из его односельчан и тяжелым ранением последнего. Во избежание дальнейшего продолжения конфликта родственники Мушкой потребовали его переезда в Чегемское ущелье, где его имя и становится фамилией (Мушкаевы).

Примерно похожим на Мушкой оказался предок инороковских Езаовых, который во время танцев случайно толкнул сестру одного из односельчан и в завязавшейся драке с ее братом, убил его. Бежав в Инороково, где ему пришлось рассказать, что произошло, он получил произвище — «зауэ — езауэ» — «драчун».

Десять поколений тому назад в селении Исламей появился широкоплечий и статный горец. Держа за узду своего коня, он прошел к верхней части села, поскольку владельцы сел всегда жили в наиболее почетных местах своих населенных пунктов. Известно, что верхняя и южная часть села или возвышенность всегда считались более почетными, чем нижняя и северная или низменность. Понятия же «сверху» и «снизу» в общественных отношениях и этикетных ситуациях несли важную социальную нагрузку. Об этом свидетельствуют примеры всех сельских общин Кабарды и Балкарии.

В Ашабово (Малка) эти места занимали Хагундовы и Трамовы. На верхнюю и нижнюю части села делился и Урвань. Первая называлась Мысостей по имени владельца Мисостова Канамата, нижняя Тыкбулапей от Тыкуланова Канамата — Хажи (Тыкбулан Къэнэмэт хъэжы). Кстати, остаточные представления о престижности понятия «вверх» проявились в том, что уже в наши дни жители села на общесельском собрании решили построить мечеть именно в верхней части села Мысостей.

Первоначально население Баксаненка проживало в урочище Геруко. Но его не раз затоплял Баксан и тогда князь Касей вместе с семьями Сидаковых, Шхагумовых, Кунашевых, Олпановых, Емгожевых, Бжиховых,

Баговых, Абреговых, Винджиевых и других переселился на нынешнее место Баксаненка. Сам князь поселился в верхней части села, а все село стало называться Касаево (Къэсей Хъэблэ). Наиболее влиятельные фамилии дали названия отдельным частям села: Уэльпэнэй, Къунашей, Сидакъей.

Известно, что в прошлые века в районе речек Шэредж и Акъсырэ и земель Чристан, Псынащхъэ, ШыгуцЫкIу, Шыгужь, Хъэсэжь, Мэргъущ, Къалэжь и других располагались небольшие поселки. В прошлом веке после слияния этих поселков во главе стал владетель Джанхотов и село стало называться Жанхъуэт Хъэблэ. Джанхотовы также занимали верхнюю часть села. После Октябрьской революции Жанхъуэт Хъэблэ переименовали в Псыгансу, что означает «обилие воды».

В 1926 году Псыгансу отделило от себя Зарагиж и Вагаздуко (Вагъэдзыкъуэ).

Пrestiжность понятия «верх» соблюдалось во всех населенных пунктах Кабарды и Балкарии. При образовании Клишбиево (Нартан) наиболее удобные земли заняли соответственно Клишбиевы (Кълышбий), Агзаговы (Агъзэгъ), Кайсыновы (Къэйсын), Хаудовы (Хъэуд), Гукежевы (ГъукIэжь). Подобным же было расселение нартановцев и на старом, первоначальном месте поселения у Девичьего кладбища — «Хъыджэбзыкхъэ».

Селение Ахлово (Н. Курп) основалось на лесной территории. И тем не менее — верхний квартал села принадлежал уоркам, нижний — подвластным.

Информаторы сообщают, что крестьянам запрещалось черпать воду выше того места, где пьет воду конь знатного человека, хозяина — «Иш зыхэхэ псым ухигъэIэбнукъым».

История Нижнего и Верхнего Куркужинов донесла до нас конфликтную ситуацию между Коновыми и Абзыуановыми. Абзыуановы вместе с Тавкешевыми, Мамбетовыми, Паштовыми, Емкужевными и рядом других фамилий поселились гораздо позже выше с. Н. Куркужин (Коново) в районе родника Баксита (Бакситпсынэ). Долго враждовали между собой эти феодальные фамилии. При этом особое недовольство проявляли женщины Коновых, заявляя, что их происхождение не позволяет им пользоваться той водой, которой пользовались жители Абзыуан Хъэблэ. И лишь родственные браки остановили конфликт. Примеры не соблюдения принятых этикетных норм легли в основу фамилии

Еудыховых, дословно переводящейся как «сбить, водворить на место». Согласно народной легенде двое братьев на сельском сходе заняли места, не соответствующие их социальному статусу и возрасту, за что и были они водворены на место.

Традиция преимущества понятия «верх» восходит еще к нартам, которые почитали Кавказские горы Эльбрус, Казбек и т. д. По их преданиям и представлениям там обитали их боги, и чем ближе человек к верховьям, тем ближе к богам. Отсюда, к примеру, гость идущий «сверху», считался более почетным, желанным, приносящим счастье. Или во время сенокоса для старших устраивали навес выше по склону: «Нэхъыжхэм я гхъэщIапIэ» — «Место, где обосновались (угощают) старшие». Во время застолья старших сажали со стороны верховьев рек, на возвышении.

Но вернемся к истории незнакомого горца, прибывшего в Исламей. Что привело его в чужие земли? Какова его прошлая жизнь и почему покинул он отчий дом, родных? Горец остановился у коновязи кунацкой князя. С достоинством вел себя он и за столом. Затем поведал свою историю. Молодой человек оказался родом из Черкесии, рано лишился родителей, и с тех пор зарабатывал себе на жизнь. Редко, кто в радиусе ближайших 10—15 сельских общин мог с ним сравниться силой, в национальной борьбе, легко, как он, гнуть подковы, отжимать многопудовые камни. И однажды местный князь решил заставить его служить в своей дружине, на что получил категорический отказ. Недолго думая, князь посылает за ним двух своих молодцов, требуя привести к нему ослушавшегося односельчанина и поставить его на колени перед князем. Но случилось так, что связанными были доставлены приближенные князя, на что последний публично обещал расправиться с ослушавшимся...

Исламеевцы называли гостя «Ябгэжъыкъуэ», что означает «Сын грозного, неистового».

Примером социального недовольства зависимых сословий горских обществ служит фамилия Пшуковых — «убийца князя». Безжалостная эксплуатация пшылI Хажимара, его сыновей Ильэжьэстэнэ и Болъэстэнэ владельцем Иналово 7—8 поколений тому назад привела к конфликту и убийству последнего. Один из потомков Ережоковых — Мухтар Мадинович, 1904 г. р. рассказал, что настоящее имя родоначальника его фа-

мили не сохранилось. Скрываясь от феодала, от которого сбежал со своей семьей их предок, он нашел убежище в селе Касаево. Зная историю конфликта своего гостя Касаев назвал его «Елей жоко» — «беспощадный и не прощающий». Елейжоко и его сыновей Матгери, Хажумара и Жанхота касаевцы стали называть Ележоковыми. Со временем, путем трансформации, фамилия Ележоковых изменилась на — Ережоковых.

Корни Шитуевых и Кумыковых восходят к фамилии Тузаровых из Кизляра. Кровная вражда вынудила четырех братьев переселиться в Малую Кабарду. Двое из них стали Кумыковыми (Къумыкъу) в Боташево, двое других решили попросить убежище в Инароково. Кто-то из сельчан, увидев двух всадников, произнес «ШууитI къокIуэ» — «едут два всадника». Стех пор и стали их называть «ШытIу» — Шитуевы.

Не по своей воле оказались кровниками трое братьев Даттевых: Амо, Аха, Ака из Махчессии Северной Осетии. У них украли сестру. В результате погони и завязавшейся перестрелки один из похитителей был убит. Возникла дилемма: или подвергнуть риску кровной мести род Даттевых, или братьям покинуть родные места и изменить свою фамилию. Они выбирают второе. Так, в Ерокко появились Амоевы, в Лескене II — Ахаевы (Ахъэй), в Карачае от Ака — Боташевы. Внуки Амо — Зашао, Кучук и Инал основали три ветви Амоевых, потомки которых представляют сегодня седьмое поколение.

Предание Гермашиковых повествует о том, что народные законы предусматривали возможность столкновений на почве кровной вражды. Пока между виновной и пострадавшей сторонами не произошло примирения, последние могли мстить первым. Сразу же после случившегося виновная сторона отправляла к своим родственникам «тайных гонцов» с предупреждением быть готовыми ко всему. Обычай кровной мести отрицательно сказывался на нормальной жизнедеятельности общины, на взаимоотношениях семей и патронимий, мероприятиях, проводимых внутри них, вызывая массу неудобств. Противниками примирения, как правило, были женщины, молодежь, они всячески отговаривали мужчин прощать виновных, заклинали их памятью предков. Подобное случилось и с братьями Гермашиковыми. Корни этой фамилии восходят к жителю В. Ачалуки

Ибрагиму Яндиеву. Четверо сыновей Ибрагима вместе с одним из односельчан организовали с целью угона лошадей поход. Результат оказался трагическим: по вине всей группы погиб их друг. Мать погибшего, узнав подробности схватки с врагом, попросила во избежание кровной мести братьев покинуть село. Так трое старших оказались в Кабарде: двое в Инаркьюей (В. Курп), третий — в Болатово (Терекское). Дороги четвертого брата ведут в Дагестан, где нынешние его потомки именуется Шамурзаевыми.

Представители фамилии Османовых считают, что не все носящие эту фамилию, «настоящие» Османовы. Так, основатель одной из ветвей — Мэхьюэщ — пришел с кубанских земель, спасаясь от кровной мести. Он обратился к князьям Докшоковым, и те его приняли. С переменой места жительства он поменял и фамилию, стал называться Османов, так как его отца звали Осман. Мэхьюэщ женился на девушке из рода Тхазепловых, был он знахарем, лечил людей, пользовался у односельчан почетом и уважением. Прожил он, как свидетельствует нынешний старейшина рода — Османов Хьэжы Шутович, — 113 лет.

Причиной избегания кровной вражды явилось возникновение Хубиевых, Бичиевых, Кулиевых. Конфликт произошел между карачаевскими Крымшамхаловыми и братьями Хубием, Бичием и Кулием. Хубий украл девушку из княжеского рода, и это вызвало ярость ее семьи и членов рода. Во избежание кровной мести братья вынуждены были уехать в Кабарду, в Кундетово: Хубию, Бичию в В. Балкарию (Бичиевы), Кулию — в Чегемское ущелье. Некоторые из потомков стали Кушховыми. Сын Чопана Кулиева Кази, по словам Кулиева Билестана Темиржановича, 1912 г. р., переселился в Заюково, пустив корни кабардинских Кулиевых. Уже его сын Темиржан считал себя кабардинцем. Сегодня старший этой фамилии, Тоуби Билястанович, живет в Чегеме II, прекрасно знает историю своих предков, процесс их миграции. Все они поддерживают родственные связи, несмотря на то, что живут в разных селах и говорят на разных языках.

Карачаевские Хубиевы, судя по книге М. И. Ермоленко «Предания, легенды и былое ущелий Кабарды и Балкарии Центральной части Северного Кавказа» (Нальчик, 1930, с. 5) дали начало Хубиевым, поселившимся в районе современного Пятигорска. Приведенная

им со слов 90-летнего Алия Машукова легенда «О горе Машук» повествует о том, что житель Большого Карачая Машуко Хубиев из-за кровной мести переселился в одно из кабардинских сел в районе современного Пятигорска. Машуко был непревзойденным мастером оружейного дела, и его в начале XIX века пригласили в Ашабово (Малка).

На протяжении жизни не одного поколения Хубиевы из Большого Карачая организовывали семейные сходки с малкинскими Машуковыми в Пятигорске.

Но фамилия Машуковых имела место и в Жанхотово (Псыгансу), образовавшись независимо от Хубиевых и малкинских Машуковых. Жанхотовские Машуковы обязаны своей фамилией некому Машу (Мэш). Его потомки переводят фамильное имя как «сын проса» — «Мэшыкьуэ».

К этимологии этой фамилии близка фамилия Машитловых («Мэшыл» — «просяной мужчина»). Генеалогическое дерево жанхотовских Машуковых имеет три ветви. В семейном предании Машуковых из Жанхотово есть одна деталь, сближающая их с малкинскими: один из сыновей Мэши тоже был, как рассказывают информаторы Псыгансу, большим мастером оружейного и кузнечного дела.

В сел. Барокъа, находившемся в районе Малой Кабарды, трое братьев враждовали с местными князем из-за непомерных налогов. Самый невыдержанный из братьев — Алан — убил своего господина. Чтобы пресечь в дальнейшем кровную месть, он бежит в Балкарию, где получает прозвище «Таукел адам» — «смелый человек». В дальнейшем прозвище становится семейным именем Тауковых. Семейное предание донесло до нас и имя старшего из братьев, которого звали Малбакъ. Потомками Малбакъа, повествует легенда, стали Мальбаховы (но есть и иные варианты возникновения данного семейного имени). Потомки Тауковых расселились по таким селам, как Нижняя Жемтала, Аргудан, Кашка-Тау, Вольный Аул.

После Октябрьской революции офицер русской армии Чопу — Хусей, не желая изменить присяге, эмигрирует в Турцию, где дослужился до высших чинов военно-морских сил этой страны.

Тауковы положили начало и ряду фамилий. Приведем случай с Тауковым Каракиши, который соблазнил девушку из рода Абаевых. Последние не в состоя-

нии были мстить, поскольку фамилия Таукуновых была многочисленной. Абаевы обратились в народный суд, который наложил крупный штраф на Каракиши и выселил его на земли Н. Жемталы. У Каракиши была большая семья, и ему приходилось нелегко. Однажды поздним вечером он возвращался из лесу, в темноте наткнулся на сломанную ветку и повредил себе глаз. Так он стал Сокуровым («Сокур» — «слепой»). Сегодня есть Сокуровы и кабардинцы, и балкарцы. От Мамме Таукунова образовались Маммеевы. Одна женщина Таукуновых вместе с мужем переехала в Урусбиевское ущелье, где рано овдовела. По одной версии она и переехала с братом Залиханом, по другой ее самое звали Залихан. Но так или иначе женщина Таукуновых и пятеро ее сыновей положили начало роду Залихановых. Залихановы жили в В. Баксане и в районе п. Эльбрус, владели земельными участками в районе Тызыла, Арт — Аяк и Инал — Сырт. Старейшина рода Айу рассказывает, что Залихановы «по тем временам имели среднее состояние».

Мендохов Фар происходил из осетин, живших в селении Алагир. Он занимался земледелием и скотоводством, в базарные дни ездил на базар для продажи или обмена своего товара.

В один из таких дней на базаре он увидел девушку кабардинку, которая приехала со своим отцом. Она ему очень понравилась. С помощью своего друга чеченца они украли эту девушку.

Примерно через два года, после долгих поисков, родители нашли свою дочь в Алагире замужем за Фару. Несмотря на это они забрали и увезли ее домой. После Фара приехал с уважаемыми стариками своего рода просить ее руки. И родители дали согласие лишь на условии, если он переселится в село Абаево, где они жили, (ныне Урожайное) и примет мусульманскую веру.

После переселения в село Абаево у них родились два сына, в 1904 году — Али и в 1909 году — Берд. Младший Берд погиб во время войны. У Али родилось пятеро детей, его старший сын Тимур ныне женат на адыгейке и живет в Краснодаре. Младший сын Володя, после смерти родителей, переселился в село Герменчик, поближе к своей старшей сестре, Абиян, она замужем за Кумыковым Хажбиталом, имеет трех дочерей и одного сына. Средняя и младшая дочери Али Тамара

и Лариса живут в Тереке, обе замужем и имеют детей. Все три дочери педагога.

Так, повествует легенда, появились кабардинские Мендоховы.

Древние фамильные легенды, уходя корнями в глубокую даль истории, освещают порой давно забытые события, имена, людские судьбы. Они вносят в наш деловой меркантильный век память, добро, уважение. Они возвращают нас к нашим истокам и заставляют задуматься о будущем: кто мы, откуда, достойное ли место занимаем на одной из маленьких веточек большого родового дерева? Все без исключения современные фамилии имеют свои легенды, иногда романтически приукрашенные, но чаще всего достоверные и правдивые.

Фамильное предание Шаваевых (Шауаевы) гласит: трое братьев — Осман (в дальнейшем родоначальник Османовых), Толгур (родоначальник Толгуровых) и Шауай (родоначальник Шаваевых) — принадлежавшие карачаевскому роду Адурхай, скрываясь от кровной мести князя Крымшамхалова, бежали в сторону балкарских ущелий. При выборе места жительства они разъезжаются: Осман поселяется в Мухоле Балкарского общества, Толгур — в Безенги и Шауа — в Шыкы Хуламо — Безенгиевского общества. Интересен следующий факт: Шауа вначале остановился в Безенги, которое оказалось ему не по душе, и он переселился в Шыкы, где уже жили люди во главе с Сога (родоначальник Согаевых). Впоследствии Сога, ссылаясь на какие-то поверья, меняет место жительства на Гюдюргю Чегемского ущелья.

Другой вариант фамильного предания, который сообщил нам писатель Хасан Шаваев, состоит в том, что основателем их фамилии был проповедник Ислама на Северном Кавказе Абумуслим. Во втором браке он был женат на девушке из балкарского села Айланма. Но в связи с недовольством сыновей Абумуслима от первого брака, молодой жене пришлось, оставив малолетнего сына Акбая, вернуться в отчий дом. Став совершеннолетним, Акбай нашел мать, здесь же в Балкарии женился, и двое его сыновей Толгур и Шауа положили начало фамилиям Толгуровых и Шаваевых. Военные столкновения жителей В. Балкарии с завоевателями заставили братьев переселиться в Шыкы Хуламо — Безенгиевского ущелья.

Контакты Шауа с фамилией карачаевских Крым-

шамхаловых впоследствии были осмыслены в предании как родственные отношения.

Бежавшие от кровной мести не всегда меняли свои фамильные имена. В Малой Кабарде восемь поколений назад поселился осетин Асхад Бориев, а его потомки в дальнейшем разъехались по многим ее селам: Хапцево (Хамидия), Муртазово (Дейское), Исламово (Верхний Курп), Ахлово (Нижний Курп), Абаево (Урожайное). Они арендовали земли Хапцевых и Азапшевых. В памяти потомков первые четыре поколения сохранились по прямой линии: Асхад — Курман — Катро — КIашкIэ. Сыновья КIашкIэ: Хьэжы, Болыцэ, ТIалост и Закъ разделяют фамилию на четыре ветви.

Нередко кровники, сохраняя собственное фамильное имя, затем вынуждены были менять его не по своему желанию, а в силу того или иного случая. Так, урванские Мисостовы приняли у себя на правах крепостного кровника Карамурзовых из-за Кубани — Нашхо Тенгизова (Тенджыз). В Мисостово Нашхо женился на представительнице Назрановых из Вольного Аула, которые также не поменяли своей фамилии, но их до сих пор нередко называют Пшиготыжевymi (по имени родоначальника). Локман Хапагович рассказывает, что его прадед Пшиготыж (из Черкессии) конфликтуя с феодалом, покинул свой аул. Люди князя нашли его и сильно покалечили. Но он выжил, а прозвище «Пшыгъуэтыж» — «найденный князем», все же сохранилось за тремя его сыновьями Исуфом, Умаром, Жынусом и потомками последующих поколений.

Нередко люди, поменявшие место жительства и появившиеся впервые в том или ином селе, получали, как правило, какое-то прозвище, которое впоследствии становилось фамилией. Приехавший в Атажукино Къач из Кубанской Черкессии носил кольчугу, и местные жители прозвали его «АфэщIагъуэ» — «Кольчуга». Один из его сыновей — Исмаил, в поисках свободных земель обосновался в местечке Былым. Сыновья Исмаила: Заурбек, Мырзабек, Тахир, Асланбек и Жамбот стали пятью атаулами балкарских Афашоковых.

В обычном праве кабардинцев, балкарцев и других народов Северного Кавказа военные походы считались одним из почетных занятий. Фольклорные материалы свидетельствуют о том, что эти походы снискали славу не одному поколению горцев. Военные походы также наложили свой отпечаток на образование фамилий.

Более всего в них проявилась процедура организации походов. К примеру: группу всегда сопровождали дозорные — «пашэ». Это были люди внимательные, смысленные, с немалым военным опытом. За особо проявившими себя закреплялось прозвище «Пашэ», которое становилось фамилией (Пашевы). Замыкавших и страховавших группу называли «Кашэ» — Кашевы.

Интересна легенда фамилии Озроковых. Вот как повествует ее один из наших информаторов. В старину кабардинцы нередко отправлялись в походы с целью грабежа. Одним из таких мест была Калмыкия. Братья Гуазовы (Гъуазэ) сами сгоняли краденых лошадей в определенное место и там передавали их кабардинцам. Об этом узнал один из местных князей. Братья Гуазовы убили этого князя, что стало в дальнейшем причиной их переселения в Кабарду. Они приехали в Инал хъэблэ (Карагач) и обратились за покровительством к князю Иналу. Тот принял их. Спустя некоторое время князь со своей дружиной отправился в поход за Дон. Они угнали табун лошадей, но обнаружили погоню. Тогда Инал велел своему озрокъуэ (военная должность) взять людей и уничтожить погоню. Но тот оказался трусом, сам спрятался, а людей его убили. Вернувшись в отряд, он доложил, что не сумел отрезать погоню. Тогда братья Гуазовы предложили Иналу свою помощь и уничтожили погоню. И Инал назначил их озроко.

Так Гуазовы стали Озроковыми. Они вернулись в Калмыкию, выкрали из плена мать и остальных трех братьев, вернулись в Кабарду. Пять братьев Озроковых расселились в разных населенных пунктах: в Баксане, в Псынодахе, в Карагаче, Докшукино и Старом Череке.

Побывавшие в XIII веке на Северном Кавказе католические монахи несколькими штрихами показали сущность периода военной демократии, когда и общественные отношения и быт были связаны со спецификой политического строя: «Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком: во время пахания все люди одного местечка вооруженные вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, и вообще выходя за пределы своего местечка, для рубки дров или для какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные...»

И значительно позже, в середине XIX века, один из известных русских офицеров, авторов статей о Кавказе,

Головин И. писал об адыгах,— что их «своеобразный быт» характеризуется военными чертами.

Можно встретить немало фамилий, возникновение которых связано с похищением, усыновлением, а порой и куплей детей. Причиной возникновения фамилии Хараевых стал один из походов с целью захвата табунов лошадей джанхотовцев (Псыгансу). Украденного и привезенного из очередного похода мальчика взяла на воспитание семья Шабатуковых. В селе его звали «Хьюрей» — «круглый сирота». Став взрослым, он, согласно левирату, женился на одной из вдов Шабатуковых, но фамилию родившемуся ребенку, названному ХьэщІмахуэ, он дал Хараев. ХьэщІмахуэ прославился в селе как отменный кузнец. Его сыновья: Алмырзэ, Тагу, Нахьюэ и Ахьмэд — положили начало четырем ветвям Хараевых.

Нам представляется, что образование фамильного имени Дашуевых имеет идентичную историю, так как «Дэшу» означает «вместе с всадником», что позволяет предполагать: мальчик был привезен из похода.

Информаторы рода Шкаховых рассказывают легенду, как привезенного из военного похода ребенка взял к себе пастушонком (телят) князь с. Ашабово. Когда он вырос, женился, его детей называли по роду занятий отца «ШкІахьюэ» — «пастух телят».

По одной из версий Хасановых (Хьэсанэ) князь Хатажукин из похода на Урвань привез ребенка, украденного его воинами у Кудашевых. А воспитали его Сижажевы (Сыжажэ). Другая версия происхождения этой фамилии состоит в том, что бездетные супруги купили ребенка в одном из сел. Кабарды у многодетной семьи. Факты истории свидетельствуют, что в прошлом в голодные засушливые годы бывали случаи, когда детей обменивали на часть урожая. Хасановы — малочисленная фамилия, например, из мужчины сегодня в Заюково живет только Кушбий.

Цораев Омар, 1913 г. р. из поселка Хасанья рассказал, что один из предков его фамилии, дигорец по происхождению, покинул свою родину в связи с тем, что, работая у местного феодала, не уследил за скотом, который был кем-то угнан, и бежал сначала в Чечню, затем перебрался в Дагестан, и, наконец, в Балкарию. В Балкарии он стал гостем одного из кошей. Известно, что балкарцы, карачаевцы и горцы-осетины нередко приг-

лашали своих гостей не только в кунацкие, но и на кошары. Не спросили тогда чабаны у гостя, кто он и откуда появился, а накрыли стол на расстеленном кийизе, посередине которого лежала эстетичного оформления квадратная доска «ашлау — кьанта». Видя усталый вид гостя, хозяева попросили его остаться на неделю-две отдохнуть, погостить. Шло время, гость привыкал к людям, к работе, и так по просьбе чабанов прожил у них весь сезон. Своим трудолюбием, открытостью и добротой пришелся он по душе чабанам. Они пригласили его в село, женили, помогли обзавестись хозяйством. Гостеприимство и радушие балкарцев навсегда приворожили его к этим местам.

Причиной переселения осетинских, дагестанских и балкарских семей часто было малоземелье. В с. Лесгор Северной Осетии с пятью сыновьями жил основатель Елеевых — Елей. Как скотоводы, они постоянно нуждались в пастбищах, а владельцы этим злоупотребляли. Высокие арендные цены заставляли Елеевых менять места жительства, и они оказались во владениях кабардинского узденя Мудара Анзорова в Лескене II, который выделил переселенцам более 60 гектаров земли. Впоследствии часть Елеевых из-за наличия в частной собственности громадного количества крупного и мелкого крогатого скота стала арендовать земли и в районе Озрека.

По этому поводу в «Рапорте начальника Горского участка начальнику Кабардинского округа» говорится, что в связи с крайним безземельным положением в 1867 году из Черекского ущелья в Н. Жемталу и Зарагж без разрешения переселились Бегиевы, Уянаевы, Казиевы, Маметовы, Байсиевы, Дугерлиевы, Бозиевы.

Более того, наше обследование показало, что туда переселились и Хаиркизовы, Мамовы (Маммеевы), Кушханашховы, Азаматовы, Алкашевы, Алакаевы, Ногеровы, Бакуевы, Оразаевы, Бозаевы, Гериевы, Гутаевы, Суйдимовы, Жемгуразовы, Забаковы, Замаевы, Тогузаевы, Карабашевы и многие другие.

В конце прошлого столетия в Н. Жемталу из села Мухол (Балкарское ущелье) переезжают три родных брата: Богатыр, Ако и Кичи-Батыр Атабиевы. Один из представителей мухолских Атабиевых — Жуко — поселяется в Псыгансу, став Артабаевым. Бегиев Тымыш Кокаевич, 1896 года рождения, говорит, что первым жителем Нижней Жемталы из Бегиевых стал Гемира, ро-

дом из Ышканти. Из Балкарии в Псыгансу, а его потомки в И. Жемталу, перебираются Дзугуловы (Дзугулары). Кстати, с их отъездом навсегда исчезает балкарская фамилия Дзугулары.

Фамилия Ольмезовых в Хуламе задолго до революции выделяет из своей среды братьев Магилю и Хажпаго, один из которых едет в Баксанское ущелье, а другой поселяется в Урвани. К 1917 году в Урвани Эльмесовых (Ольмезовых) стало четыре семьи.

Ранней весной 1866 года на улицах Догужоково (Аушигер) появился высокий, крепкого сложения, с открытым лицом горец. Знали его не только в Черекском ущелье, но и здесь. Исхак Токумаев бывал в этом кабардинском селе с торговыми делами, продавал скот, покупал хлеб. Сейчас же он шел к хозяину села, старшине Догужокову с просьбой, изменившей всю его дальнейшую жизнь. Исхак просил покровительства, возможности поселения его семьи в этом равнинном селе. Причиной тому была земля, крайняя нехватка ее на родине предков Исхака в горном и живописном местечке Курноят, что располагалось в местечке р. Саукан — Суу и Курноят — Суу. Догужоков, приглашая гостя в кунацкую, примерно догадывался о целях его приезда: и этот приятной наружности горец вынужден был покинуть свои родовые земли, как сделали пять лет назад четыре неродственные между собой горские семьи, за которыми в Догужоково закрепилось фамильное имя — Кушховы. Владелец вспомнил и появившихся позже Башиевых, и Жабоевых. И поэтому он сразу дал согласие, выделив Исхаку один из лучших в селе участков. Сыновья Токумаева, уже родившиеся здесь, говорили по-кабардински, о жизни отца и его родственников в Курнояте знали только по рассказам. На памяти их потомков остался и курьез из истории их фамилии, состоявший в том, что при переписи из записали Токмаевыми. По этой же причине в Аргудане оказался со своей семьей и житель В. Балкарии Чебаш Байсиев. А уже внуки Чебаша считали себя кабардинцами. Фамилия аргуданских Байсиевых не разрослась: в наши дни в селе только две семьи Байсиевых, поскольку один из сыновей Чебаша Копан не смог привыкнуть к новому месту жительства и уехал в Верхне-Кожоково (Жемталу).

Куна Паговна Аталикова (девичья фамилия Байсиева), 1900 г. р., сел. Аргудан, вспоминая рассказы отца,

говорит, что Байсиевы появились в Аргудане четыре поколения назад и тоже по причине нехватки земельных угодий в В. Балкарии. Чебаш Байсиев, видя безвыходное положение, вместе с женой из фамилии Замаевых и двумя сыновьями Бзу и Копаном спустился с гор и в сел. Аргудан купил приличный участок пахотной земли. Когда сыновья обзавелись семьями: старший Бзу женился на Таукеловой, младший Копан — на Казаковой, в семье начались трения младшей невестки со старшей и матерью мужа. И, чтобы не обострять отношений, Копан вместе с женой переезжает в Жемталу, поближе к Казаковым, родственникам жены.

Старшее поколение Мокаевых, также согласно фамильному преданию, вспоминает, что причина переселения их родоначальника Мокъи в В. Балкарию состояла в земельном вопросе. С согласия таубиев Айдаболовых Мокъа обосновался в Мукуше, расположенном на левом берегу Черка выше Коспарты между двумя древними поселениями Кюннюмом и Шаурдатом. Имя Мокъи (Окъа) переводится как «золотая нитка». Из Мокаевых вышли мухолские Темукуевы после переселения Темуку Мокаева в это село. Причиной явилась нехватка земли в квартале Мокаевых. Очень часто разрастание фамильных кварталов и выделение новых семей заставляло, особенно балкарцев, искать земельные участки в других селах, что и случилось с Темуку Мокоевым.

Интересен тот факт, что в Верхней Балкарии имели место две неродственные между собой фамилии Темукуевых. Потомки Темуку Мокаева вскорости разбогатели, приобрели земли в районе Голубых озер, участки «Мухол ёзен», «Арыкъбай», «Чегет хурт», «Дюгер тюре». Им принадлежало более ста голов крупного рогатого скота, сотни голов баранов, 50—60 лошадей. Старейшина фамилии Аскербий ныне шивет в Хасанье. Он явился инициатором фамильного схода Мокаевых и Темукуевых в Мукуше, на родовой земле.

В истории кабардинских и балкарских фамилий, являющейся важнейшей областью духовной культуры народов, значительную роль сыграла знаковая система, запечатлевшая философские воззрения горцев на природу, общество, обычаи и традиции. Этот взгляд сохранился прежде всего в пережитках языческих верований. Корни мистического восприятия мира человеком восходят к тем временам, когда его мыслительно-познава-

тельный процесс оказывался беспомощным перед силами природы и, естественно, создавал иллюзорные представления о неведомых ему силах. Наблюдая за явлениями природы человек, считал, что все вокруг, начиная с гор, рек и деревьев — живое, имеющее душу.

Идея множественности души, касающаяся тени человека, его тела, жизни и судьбы, ярко запечатлелась в запрете будить спящего человека. Попробуйте заставить бабушку (кабардинку или балкарку) разбудить кого-либо из спящих членов семьи. Она категорически откажется. Наши предки считали, что во время сна человека душа на время уходит от него и возвращается тогда, когда чувствует, что он должен пробудиться. В случае его преждевременного пробуждения она может не успеть вернуться, а это вызовет болезнь. С этими представлениями связана фамилия атажукинских Пшигаушевых (Пшыгъуэш — «пщы» — «князь», «гъзуш» — «будить» — «разбудивший князя»).

Один из князей Атажукиных был очень суеверным человеком и крайне возмущался, когда его, спящего, тревожили. Причем он абсолютно не признавал: срочное ли это дело или нет. Предание гласит, что в гневе он мог застрелить любого, кто осмеливался ему перечить, возражать, не говоря уже о том, чтобы помешать его сну. Один из молодых людей, к которому князь относился по-отечески, снисходительно и с юмором воспринимал его шутки и непредсказуемое поведение, поспорил с односельчанами, что может, не боясь последствий, разбудить спящего князя. Так он и сделал: вошел в комнату, где после обеда князь отдыхал, уселся поудобней и начал негромко напевать любимую мелодию князя. К удивлению спорящих, ожидавших скандальную развязку задуманной шутки, князь не только не разбушевался, а проснувшись в хорошем настроении, велел слугам накрыть стол на двоих и они с тостами и песнями веселились до поздней ночи. Удивлению односельчан не было предела, и они назвали смельчака Пшигаушевым, то есть «разбудившим князя».

Чтобы избежать влияния злых духов и людей, обладающих силой сглаза, новорожденным часто давали два имени, неприятно звучащие прозвища, а иногда и клички животных. Бывало и так, что родители, потеряв одного-двух детей при родах или в младенчестве, следующему ребенку давали не имя, а пожелание: «Живи!» Так, в семье булунгуеьца Баюкку рождавшиеся

сыновья один за другим умирали. Чтобы как-то избежать последующих несчастий и сохранить жизнь четвертого сына, Баякку называет его «Жаша», что означает «живи». (Чеченцы также нередко называют единственного сына «Ваха» — «живи»).

К одному фамильному корню Жашаевых принадлежит и фамилия Динаевых. Старшей в роду считается 110-летняя Фатима Абуковна Жашаева, долгожительница Балкарии, оправдывающая свою фамилию.

Нередко, взывая к милости бога и его защите, ребенку давали имя, связанное с религией или профессией священнослужителя: Хажи, Шоджен, Кази, Курман, Ислам. По поводу оберега именем от злых духов известный иранист В. Ф. Миллер обратил внимание на тот факт в Северной Осетии, когда ребенка могли назвать «Черный пес», «Злая собака», «Собачий нос», и т. д., поскольку именно собаки считались врагами злых духов. Чтобы избежать воздействий нечистой силы и порчи со стороны людей, обладающих силой сглаза, горцы также нередко давали детям два имени. И первое имя часто скрывалось. Магическая роль имени не потеряла значения и в наши дни.

Можно встретить фамилии, о возникновении которых есть не одна, а две и более легенд. К ним относятся такие, как Кучуковы (Щенковы), Дугужевы (Волковы), Аслановы (Львовы), Хуболовы (Медвежонковы), Бажевы (Лисовы) и т. д. Так, фамилия, Халихшовых имеет две легенды (с. Мисостово — Урвань). Предание гласит, что Хьэлышх первоначально жил в Чегеме, и его имя переводили как «едящий мясо собаки». Было это шесть поколений назад. Когда он умер, своим сыновьям дал наказ: «Мое имя звучит, может быть, несколько неудобоваримо, но собачьего мяса я никогда не ел. Завещаю, чтобы имя мое стало вашей фамилией. Не ищите другой фамилии, тогда и вы и ваши потомки будут покровительствуемы и удачливы». Хотя аргуданские Халишховы придерживаются иной версии образования своей фамилии, согласно которой во время охоты двух приятелей один случайно убивает второго. В ужасе сидя у трупа своего друга, он, прежде всего, переживал, что непреднамеренно стал убийцей и, во-вторых, за своих близких, понимая, что эта трагедия выльется в кровную месть. В это время у места трагедии оказалась группа односельчан, которые вызвав сожаление по поводу случившегося, хотели также как-

то помочь горевавшему человеку. Один из них: Ворочков, — посоветовал виновному отправиться в дом убитого и прикоснуться губами к груди матери, что по древнему обычаю делало бы его молочным сыном этой женщины, родственником ее фамилии и только таким путем избавляло тех и других от кровной вражды. Давшего подобный совет в дальнейшем стали звать «Хьэлышх» — «пожиратель нравов», то есть сумевший «съесть обычай».

Особенно имена людей связывали с предохранительной магией черного цвета. Убедительным примером в этом плане является фамилия Савкуевых. Легенда повествует, что в одной из осетинских семей долго не было детей, и когда, наконец, родился мальчик, односельчане посоветовали назвать его Савкуем, т. е. черной собакой, в расчете на то, чтобы избежать влияния дурного глаза и злых духов. И действительно, в народе говорят, что мало того, что Савкуй рос здоровым и счастливым ребенком, в их семье родилось еще два сына Темра и Занкиши, положившие начало двум новым фамилиям Темраевых и Занкишиевых. Удачливыми оказались и потомки Савку, проявив предпринимательские способности и добившись успеха в животноводческом деле. Старики селения Второй Лескен вспоминают, что прадед современных Савкуевых Машуко владел такими отарами овец, что после каждого отела дарил бедным односельчанам до 50 ягнят.

В том, что в иносказательной символике цвета знаковая система играла важную роль, заметим, что черный цвет сравнивали с ночью, темнотой, считали цветом таинственности, неизвестности, подстерегающей опасности. В то же время черный цвет в форме амулетов служил средством защиты от злых духов и людей, обладающих вредоносной магией. Жительница с. Заюково (Атажукино I) Шурдумова Л. Т., 1883 г. р., в годы своей молодости не раз наблюдала, как односельчане клали под голову новорожденному нож с черной рукояской и угольки, считая, что черный цвет, металл, да и уголь оберегали беспомощное живое существо от порчи. В Каменомостском (Кармово) и Сармаково (Бабуково) еще в 50—70-е годы нашего столетия хорошеньким маленьким детишкам или детям, слабым здоровьем, часто болеющим, мазали лобики и щечки

углем и кусочки угля клали в кармашки. Нередко это встречается и сейчас.

В 1939 году члены этнографической экспедиции МГУ в Шапсугии обратили внимание на то, что все атрибуты, связанные с кузницей, местным населением признаются на уровне магической силы, способной противостоять злым силам. Участница этой экспедиции Н. Жардецкая писала, что уголь, железо, вода, кузница почитались шапсугами и по их представлениям могли способствовать лечению не только больных детей, но и страдающих бесплодием женщин. В балкарских селах, в частности, Булунгу, Н. Чегеме и в наши дни можно видеть на детях амулеты в виде черных плоских камешков естественного происхождения. Черным материалом обшивался (и сегодня это делается) амулет — дуа: листок бумаги с написанными на ней священнослужителем выдержками из Корана.

Об использовании черного цвета в качестве оберега свидетельствует и множество других примеров, среди которых, в частности, случаи из народной медицины, практиковавшиеся в прошлом во Втором Лескене Алиханом Кагермазвым. Старожилы села рассказывают, что некоторые разновидности лекарств он готовил на спиртовании специальных видов черных жуков.

Рассказывают, что карачаевцы, осетины и ингуши в целях оберега от злых сил старались держать во дворе черную собаку. В В. Балкарии, Безенги и В. Чегеме автор этой статьи видел каменные заборы, в которые были вделаны речные камни черного цвета с естественными отверстиями. При этом последний пример свидетельствует о сочетании двух видов магических действий: черного цвета и роли замкнутой окружности.

Кольцеобразная форма предметов считалась непроходимой для злых духов. Доттуева Ф. Б. из Гунделена, 1882 г. р., помнит как в годы ее молодости родившегося ребенка как бы продевали через отверстие прялки, считая этим самым его защищенным от всяческих бед и сглазов. Старшие женщины Атажукино I (Заюково), Тохтамышево (Лечинкай), Лафишево (Псыхурей) и Тамбиево II (Алтуд) вспоминают, что, если в доме их односельчан побывал человек, обладавший сглазом, после его ухода в доме тщательно подметали, а вокруг дома обводили круг, как бы препятствуя возвращению злых сил назад в эту семью.

Через фамилии Хуболовых, Аюевых, Мишаевых и

др. проявились пережитки тотемизма, поклонения медведям. В 20-х годах нашего столетия Г. Ф. Чурсин в Ксанском ущелье Северной Осетии (с. Эдис) обнаружил, что представители местных фамилий Хубиевых и Бегизовых считали своим предком медведя, поклонялись ему, устраивали в честь него праздники, молились за него богу.

С языческими верованиями, в частности, с жертвоприношением в Кабарде и Балкарии было связано немало топонимических названий. В районе Н. Курпа есть холм «Чэримхэ дыгъэ» — «Солнце Керимовых», где обычно после стихийных бедствий и эпидемий («хъуабэ уз») молились жители близлежащих сел.

Фамильное имя могло быть соотнесено с культом того или иного животного, его определенными качествами (трудолюбие, упрямство, хитрость, лень и т. д.) а также с какими-то случаями, происшедшими с будущими носителями фамилии и животным. Так, например, неоднозначно представляют семантику своего фамильного имени Шидовы разных сел. Одни считают, что их предок был трудолюбив, другие — упрям, как это животное. С этим безобидным животным связывают историю происхождения своей фамилии и герменчикские Шидгиновы, носившие до этого фамилию Аюбовых. Кто-то из их рода, неловко и неосторожно погоняя осл, выбил ему глаз. И этого, по рассказу информаторов, было достаточно, чтобы односельчане прозвали Аюбовых Шидгиновыми.

Рассеянностью родоначальника Этезовых объясняют и их фамильное имя. Прозвище «Итэз» («Ит» — собака, «эз» — «давить») он получил после того, как случайно задавил своей телегой спящего пса.

Как известно, традиция гостеприимства, прием гостей и связанный с ним церемониал возводились в ранг наиболее почитаемых и особо ценимых реалий жизни. Гостеприимство и кунацкая семья считались ее визитной карточкой и характеристикой, определяли престиж в селе и общине. Энциклопедист адыгской жизни Хан-Гирей, глубоко изучивший психологию горца, отмечал, что иметь приличную кунацкую для последнего — вопрос чести. Кабардинец и балкарец не останутся около дома, где нет коновязи. Гостевые комнаты и дома горцев можно было определить безошибочно: они никогда не закрывались. И естественно, что эта традиция пов-

лияла на фамильные наименования и отразилась в разного рода легендах и преданиях.

В Нижнем Чегеме один из таких случаев лег в основу легенды фамилии Конаковых. Не помнят люди, как в местечке «Кийикчи» (поляна туров) еще задолго до того, как официально здесь было создано село «Чижок Къабакъ», появилась молодая семья Биязировых. В памяти сохранилось доброжелательное отношение к ним людей, трудолюбие хозяина и хозяйки, их коммунибельность, простота. Все ладилось в этой семье, и жизнь омрачалась лишь тем, что не было у них детей. Но однажды одна из известных в ущелье знахарок предрекла появление в их доме в течение года очень важного гостя. А через некоторое время хозяйка дома, почувствовав себя беременной, поняла, о каком госте идет речь. Родившегося сына назвали «Къонакъ» — «Гость». А уже за его сыном Асланом и внуками: Тауканом, Мырзой, Бийбертом и последующими потомками закрепилось фамильное имя — Конаковы.

Бошожовы (Бэшокъуэ) и Хачасвы (ХъэщІэ) из Иналово (Карагач), вспоминая отголоски своего фамильного предания, считают себя выходцами из одного корня: Байчоровых. Некогда два брата оказались в Карагаче, причина же переезда их не установлена. Старший назвал себя Бошоковым, второй — отказался представиться. Ему и дали имя «ХъэщІэ» — «гость».

Кадыров Байрамук Нинукаевич (1880 г. р.) с. Бабугент) корни своей фамилии возводит к беженцу от кровной мести из Сванетии Копанадзе, которому дали приют в Коспарты Верхней Балкарии. Трудолюбивыми и гостеприимными оказались сыновья Копанадзе, за что в селе их дом и их самих называли Конакбаевыми. Однако, история их фамилии имеет продолжение, выразившееся в дальнейшем в прозвище. Чтобы усилить свое хозяйство, братья выбирают никому не принадлежавший и густо засоренный валунами и мелкими камнями участок. Они очищают его, обрабатывают и приводят в состояние культурной пахотной земли. Спустя некоторое время на этот участок начинает претендовать фамилия таубиев Занхотовых. Конакбаевы одерживают победу в первой стычке и выгоняют претендентов на обработанный их руками участок с позором. Занхотовы публично обвиняют Конакбаевых в покушении на них, законных владельцев этой местности, компрометируют в глазах общественного мнения. Их

слуги связывают братьев, нагружают их камнями и гонят в Центральное село Балкарии — Чегет эль. Судьи сельской общины после объективного разбирательства (медиаторы Верхней Балкарии были известны своей справедливостью и профессионализмом далеко за пределами своего ущелья) оправдывают Конакбаевых и оставляют за ними указанные участки земли. Но то, что им пришлось нагруженными камнями пройти через все село, не прошло бесследно. В народе, где быстро рождаются легенды и прозвища, братьев и их детей шуточно стали называть Кадыровыми («Къадыр» — «мул»). Некоторые их потомки, поменяв свое фамильное имя, поселились в Нижней Жемтале и Аргудане.

Фамилия Пшихачевых из Коново (Н. Куркужин) по рассказу Пшихачева Хабаса, 1903 г. р., обязана своему образованию молодому человеку, гостившему у кызбурунского князя Тамбиева. Перевод фамилии «Пщы» — «князь», «хъэщIэ» — «гость».

Не случайно односельчане дали фамильное имя урванским Жылэ. Фамильное предание повествует о радушии, гостеприимстве этих людей. Жылэ — семена, но и группа людей. По легенде: семена рассыпаны во дворе, что могло быть случайностью (или рассыпаны с целью для просушки), но присутствие во дворе множества детей, своих и чужих (символизирующих семена будущих поколений) — не случайность, а доказательство гостеприимства, тепла и человечности этого дома.

В Камлюко на фамильный сход собралось 53 семьи Канкуловых. Они были представлены 23 семьями Канкуловых из Кубы, 25 — из Нальчика, 5 — из Псыгансу. Тамадой застолья был восьмидесятивосьмилетний Хажпаго Канкулов, проживающий в настоящее время в Кубе. Долго, но образно и красиво говорил Хажпаго о земле родоначальника своей фамилии Канкуле, истории его жизни, дошедшей до потомков благодаря древней традиции горцев почитать предков, о прославленных своих предках-силачах, мудрецах, охотниках, кузнецах, народных сказителях и певцах. И кончил словами, обращая внимание на множество детишек, крутившихся здесь же: «Род наш древний и знатный и славен был джигитами, их благородными и достойными адыгов делами. Пусть и эти молодые побеги пойдут в своих предков Канкуловых!» Из рассказа восьмидесятивосьмилетнего Хажпаго нас заинтересовало фамильное пре-

дание Канкуловых, которое восходит, по словам аксакала, к роду уорков Шогемоковых и указывает на роль гостеприимства в жизни горцев.

Десять поколений назад, гласит предание, то ли в Чегеме, то ли в Лечинкае жил Хасанбий Шогемоков с пятью сыновьями. На одном из крупных праздников младший из сыновей пригласил на танец прислугу, чем оскорбил достоинство уорков. Началась вражда между феодальными фамилиями, в результате которой были уничтожены все мужчины Шогемоковых. Одну невестку Шогемоковых, которая была в положении, ее родственникам удалось увести в Абхазию, где при родах она скончалась. Семья, в которой ее оставили, ничего не знала о ней, но оставила у себя на воспитание родившегося ребенка. Назвали его Канкулом («Къан» — гость, «къул» — кровь — перевод рассказчика). Родственники матери приехали к нему, когда он уже был семейным человеком, и поведали Канкулу историю его семьи и фамилии. Умирая, Канкул завещал двум своим сыновьям вернуться на родину в Кабарду, что они и сделали, Старший поселился в Кубе, младший — в Камлюко.

«Гостем» Темыра Джанхотова (Жанхотово — Псыгансу) стал подобранный им около села маленький мальчик. Когда он вырос, его стали называть Темирканом. Сегодняшние Темиркановы, расселившиеся в Зарагиже, Жемтале, Аргудане, Урухе, — уже седьмое поколение этой фамилии.

С божьим даром, с благосклонностью предков, знаком святости традиции гостеприимства связывают появление своей фамилии и урванские Бавоковы. По рассказу Бавокова Астара Титуевича, 1911 г. р., много поколений назад после нескольких неурожайных лет жители села Мисостово были награждены небывалым урожаем, и в эту благодатную осень в семье праотцов во время праздника урожая родился мальчик. Старший из акскалов согласно доброму предзнаменованию назвал его «Бэвыкъуэ», что означает «бэв» — «изобилие», «къуэ» — «сын». Рассказы об этом событии с годами обрастали легендами, и уже в молодости сельчане относились к Бэвыкъуэ с почтением, впоследствии называя его потомков Бавоковыми.

В годы Кавказской войны 1817—64 гг. в район селения Кызбурун-3 были привезены два мальчика Гауновых Баж и Хажмахуэ. По национальности они были

абазехи. Хажмахуэ умер еще ребенком, Баж положил начало новой ветви своего рода, но его имя не стало впоследствии фамилией: детям своим он передал фамилию Гауновы. Нынешний старейшина рода, Гаунов Часабий, считает что «гъэунэ» синоним «гъэІбэв» — «урожайный год». В Кызбуруне сейчас проживает 12 семей Гауновых.

Большое значение придавали кабардинцы и балкарцы искусственному родству. Такое родство известно им, как и многим соседним народам Кавказа, в самых различных видах. Наибольшее значение имели усыновление, побратимство и аталычество. Существовали и другие, близкие к ним формы породнения, которые устанавливались при обрядах первых лет жизни ребенка и во время свадьбы.

К усыновлению или удочерению прибегали во многих жизненных ситуациях. Если у роженицы не было или не хватало молока, ей приходилось обращаться к какой-нибудь кормящей женщине, и та тем самым становилась молочной матерью ребенка. Кровник, у которого не было другой возможности избежать мести, искал случая, чтобы прикоснуться губами к груди матери своей жертвы и этим вынудить ее усыновить его. О таком же обычае у балкарцев рассказывали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский. К усыновлению же обычно прибегал кровник, когда ему приходилось бежать и селиться в другой местности. Усыновление совершалось опять-таки путем прикосновения губами к груди жены или матери усыновителя. Бывало, что так же поступал человек, хотевший обеспечить себе полную безопасность временного пребывания на чужой земле.

Нетрудно заметить, что во всех этих случаях породнение достигалось путем установления молочного родства. Балкарцы считали, что «молоко идет так же далеко, как и кровь», т. е. является не менее обязывающим. Адыгейский этнограф М. А. Меретуков отметил, что все адыги считали молоко матери священным и даже высказал предположение, что некогда с ним было связано особое божество. Материнским молоком клялись и проклинали, человек, его оскорбивший, становился отверженным.

Побратимство было установлением тесного союза между двумя людьми, стремившимися связать себя неразрывными узами. Достигалось оно различными обрядами. Существовала клятва на оружии. Другой

обряд отметил М. М. Ковалевский: в дружбе клялись над чашей, в которую каждый из побратимов бросал серебряные опилки или мелкие монеты и из которой затем пили.

Серебро у многих народов считалось символом вечной, нержавеющей дружбы. В то же время питье из одной чаши, вероятно, восходит к питью смешанной там крови побратимов, что магически уподобляло кровь одного крови другого. Магическое значение имела и клятва на оружии, которое, как и многие другие острые предметы, наделялось чудесной силой. Оба эти приема восходят к древним скифам, у которых, по рассказу Геродота, побратимы пили из общей чаши с вином, добавляя туда свою кровь и обмакивая меч, стрелы, секиру и копье.

Однако к XIX в. эти древние ритуалы были уже в основном вытеснены ритуалом молочного породнения. Н. Ф. Дубровин на основании всех известных ему сведений писал, что если два человека хотят вступить в союз, то один из них притрагивается губами к груди матери или жены другого.

Аталычество (от тюркского слова «аталык» — «как бы отец», «воспитатель») было обычаем, по которому детям полагалось воспитываться не в родной, а в чужой семье. Еще до рождения ребенка человек, желавший взять его на воспитание, предлагал будущим родителям свои услуги. После имянаречения ребенка аталык с подарками отправляется к родителям своего будущего воспитанника. Последние не должны были навещать своего ребенка и вмешиваться в его воспитание в новом доме. По достижении ребенком одного года устраивался праздник показа его жителям селения или поселка, которые его одаривали. А через некоторое время устраивали праздник в честь первого шага, выявляя склонности воспитанника, раскладывая рядом различные предметы — от книги до чабур — и наблюдая, что его больше привлекает. Отсюда делали вывод, кем он будет, когда вырастет. С шести-семилетнего возраста его начинали приучать к труду, что делали очень осторожно, не перегружая и постоянно следя, чтобы ничего не случилось. Совершеннолетие воспитанника ознаменовывалось его торжественным возвращением домой. Дореволюционные авторы писали, что молодой человек в сопровождении воспитавшего его лица торжественной процессией возвращался к своим роди-

телям. С этого времени между обоими родами возникала родственная связь, и воспитанник, или эмчек, лишался права вступать в брак с кем-то из семьи аталыка. Этот обычай был широко распространен у народов Кавказа — адыгов, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин, абазин, абхазов, части грузин, в древности же у многих европейских, тюркских и монгольских народов. У некоторых из них (на Кавказе у абхазов и западных адыгов) он бытовал в самых широких слоях населения, но у большинства — преимущественно в среде князей и дворян. Это вполне понятно, Если в более отдаленные времена обычай аталычества был связан с воспитанием хорошего тона поведения, то в XIX в. добавилось стремление эксплуататорских классов избавить своих жен от лишней физической нагрузки. Вышестоящий феодал, передавая ребенка на воспитание нижестоящему феодалу и лишь иногда крестьянину, а тем самым роднясь с ним, расширял круг своих приверженцев, преданных своему дому людей. Со своей стороны, воспитатель приобретал в лице воспитанника и его родни могущественного покровителя. В. Ф. Миллер и М. Ковалевский, В. Я. Тепцов, Б. А. Ланге, М. К. Абаев и др., указывая на установление родственных связей между семьями аталыка и эмчека, отмечали, что при подобных связях князь дарил воспитателям земельные участки, а последние при этом должны были оказывать всевозможные услуги таубию, носившие название «эмчекской подати». С. С. Киржинов, В. П. Невская, Е. Н. Студенецкая и И. М. Шаманов замечают, что аталычество в эпоху феодализма приобрело окраску феодализма и строилось на основе взаимной выгоды. Обычай аталычества определил фамильное наименование Аппаевых из Булунгу. Передавая фамильное предание своих предков, Аппаева Захират Аппаевна, 1903 г. р., с Булунгу, рассказала, что семь поколений назад два брата Акаевых никак не могли найти общий язык со своими таубиями. Те всячески их притесняли и издевались, пытались добиться полного повиновения братьев. Тогда Акаевы решили в целях своей защиты использовать древний кавказский обычай: взяли на воспитание ребенка по имени Аппа у одного из влиятельных князей, живших на равнине. С этих пор между семьями аталыка и эмчека устанавливались родственные связи. Акаевы обеспечили себе поддержку и защиту, заставив тем самым прекратить притязания местной феодальной фамилии.

Каевы объявили Аппу своим повелителем, вырастившим его и настолько полюбил^и воспитанника, что, вопреки принятым традициям, попросили родителей молодого человека оставить его навсегда в Булунгу. Единственным условием близких и родных Аппы было — женить его на девушке знатного происхождения. Избранной оказалась девушка из фамилии Эттеевых, считавшихся в Чегеме узденями.

Мусоз Абаев в историческом очерке «Балкария» замечал, что аталычество не вышло «из моды» и в начале XX века. А один из жителей Верхней Балкарии с восторгом рассказал о том, как однажды в Орджоникидзе (Владикавказе) ему представили пожилую женщину — осетинку, воспитывавшуюся у Саракуевых и прекрасно владевшую сочным старым балкарским языком.

Исполнение свадебных обрядов определило фамильное имя клишбиевских (Нартан) Бекановых, когда они еще жили в Черкессии. Согласно традиции, невесту везли в дом жениха через промежуточный дом. Вероятно «къан» этого дома был другом жениха и богатым человеком. В Кабарде из Бекановых первым появился Умахо. Младший из трех его сыновей Пшимахо осел в Урвани, а его потомки облюбовали Клишбиево.

Отмечалось, что знаковая система культуры наших предков наложила непосредственный отпечаток на фамилии такой социальной прослойки, как священнослужители: Кардановы, Шогеновы, Эфендиевы, Кадиевы, Мулаевы, Курмановы, Исламовы, Имамовы, Аджиевы, Хаджиевы, Мухамедовы.

Еще в период ранних этапов родового строя с формированием скотоводческого и земледельческого направлений хозяйства происходит социальная дифференциация общества, что непосредственно сказывается и на зарождении социальной прослойки прорицателей, знахарей, жрецов. Люди верили, что эта категория служителей культа способна контактировать с духами, предсказывать их действия, влиять на них. Жрецы, создавая вокруг себя ореол таинственности, организовывали выполнение религиозных обрядов, занимались предсказанием, медициной и т. д. Рос их авторитет в обществе, их почитали, и они свои навыки передавали по наследству. Проповедников языческой религии называли Къардэн, откуда и пошла фамилия Кардановых. Но есть представители этой фамилии, которые

рассказывают иные варианты происхождения их фамильного имени. Так, Кардановы из сел. Залукокоаже не связывают свои корни с религией. История же происхождения их фамилии такова: бездетная семья Этуевых взяла на воспитание мальчика из рода Касаевых. Когда воспитанник вырос, женился, у него уже подрастал свой сын, как-то ребенка спросили: «Чей ты сын?», он ответил: «Къардэнхэ» — «Карданов», потому что родная мать, отдавая ребенка, несколько раз переспросила: «къадэну пэрэ?» — «признают ли?», боясь, как сын приживется в новой семье. За ним эта фамилия и закрепилась.

Во многих селах Кабарды живут Шогеновы. Они также из разных корней и поэтому не родственники. Кызбурунские Шогеновы (Кызбурун III) помнят, что пять поколений тому назад их предок Мухаммат был священнослужителем и уважаемым в селе человеком. И поэтому его самого и сыновей Екуба, Теуважа и Нагоя называли Шогеновыми.

Малкинским Шогеновым (Ашэбей) фамилию дал их предок Бек (Бэч). Много интересного об этом сегодня может поведать его внук Мартин, глава этого разветвления генеалогического дерева рода Шогеновых.

Хотя известны случаи, как с урванскими Хажикаровыми, когда за священнослужителем закрепилось прозвищное фамильное имя — «Черный Хаджи». Предание гласит о том, что молодой человек по фамилии Ахиев окончил медресе в Нартане, совершил паломничество в Мекку и с духовным званием «Хаджи» был приглашен проповедником религии в Урвань. Здесь он женился на красивой девушке из фамилии Пачевых, и его сына Мусу и внуков называли Хажикаровыми, поскольку внешность Хаджи — высокий рост и четкие смуглые черты лица — заставляла односельчан называть его не иначе, как «Черный Хаджи». У Мусы Ахиева и его жены из фамилии Беждуговых было трое сыновей: Нагъуей, Батырбэч и Дзадзу, разделившие род на три ветви. Внуки Ахъий Хажи породнились соответственно с Хашевыми, Кумаховыми и Машуковыми.

Побывал в Мекке дагестанец Якуб, поселившийся впоследствии в Курму Урусбиевской общины. Фамильное предание Хаджиевых гласит, что у Якуба было два сына — Ахмат и Жарай — и две дочери — Рахима и Хужан. Фамилия разрослась с сыновьями Ахмата: Батыром, Азаматом, Магометом, Адильгерн; и сы-

новьями Жарая: Азретом, Солтанбеком, Хажи. Кстати, младший сын Жарая был так назван в честь деда. Потомки Якуба, в связи с ограниченностью земельных угодий, расселялись в Кыртыке, Гюрхожане, В. Баксане, Чегеме, Заюково и т. д.

Желихажевы сохранили в памяти своих потомков историю приглашения Ахловыми в Каншыуей (Ахलोво — Н. Курп) священнослужителем их предка Шахима, имевшего у себя на родине репутацию исключительно порядочного и набожного человека. Его чаще звали не по имени, а муллою села: жылэ — село, хьэжы — мулла. Если у Шахима был только один сын — Ибрагим, то у последнего — восемь: Иналуко, Инал, Темиркан, Тамби, Хус, Муса, Болат, Хасана. Ветви последующим Желихажевым пустили: Инал, Темиркан, Тамби, Муса, Болат и Хасана.

Судьба основателя лечинкаевской фамилии Тхазапlicheвых («Тхьээплъыж» — «угодный богу») сложилась непросто. Родом он из Нижнего Черека, из рода Тхазепловых (Тхьээплъ), жил четыре поколения тому назад. Его младший брат Гьуци вел беспорядочный образ жизни, постоянно оказывался замешанным в различные конфликты и нарушения общественного порядка, за что на сельском сходе ему предложили покинуть село. Старший брат, будучи человеком глубоко порядочным и совестливым, решил не оставлять его в беде. Они вместе поселились в Тохтамышево, где Гьуци стал по-прежнему вести разгульный образ жизни, оказывая при этом дурное влияние на молодежь села. Не выдержав позора, старший брат на сходе села публично отказался от младшего и просил не считать его больше Тхазепловым. Люди, одоблив его поступок, стали называть его Тхазапlicheвым — «угодным богу».

Хажметовы из Хату Анзорово (Старый Урух), Атажукино I (Заюково) и Баксана и Понежевы из Лафишево (Псыхурей) своим родоначальником считают Хьэжмэта — «большого муллу». Но этим история Хажметовых не органичивается. С разделом сыновей Хьэжмэта старший сын Кьэзбот оставляет фамильное имя отца, а младший Асланджери, переселившись в Лафишево, становится Понежевым. Дословный перевод «Пэ (япэ)» — «первый», «унез» — «счастливый», то есть первый и счастливый род. Сегодня уже никто не помнит, почему Асланджери называли первым счастливчиком, может он первым из переселенцев получил хоро-

ший участок, а может быть Лафишевы более благоволили ему, но уже его сын Хуро звался Понежевым.

Ряд фамилий связан с противоборством языческих верований с христианством и мусульманской религией. Предки этих фамилий достойны особого уважения, поскольку они проявляли принципиальность, верность вере своих отцов. В частности, фамилия Котепаховых («Кхъуэтепыхъэ» — «плачущий над кабаном») имеет несколько вариантов своей истории. Первый из которых повествует о том, что когда проповедники ислама потребовали в одной из семей заколоть борова, старая женщина расплакалась. По второму варианту другая семья пыталась спасти борова, завернув в люльку, но обман был обнаружен, и ей тоже пришлось расстаться с боровом. Информаторы считают, что к этому периоду и в подобном же объяснении надо понимать фамилию Кожевых (Кхъужей).

В Верхнем Курпе (Исламово-Инароково) этим же фактом объясняют фамильное имя Кожаевых (Кхъуэжей). Предки этой семьи пытались запеленать поросенка, но их хитрость была обнаружена. Отсюда и фамилия «Кхъуэгъэжей» — «усыпляющий свинью».

Фамильные легенды порой расходятся в некоторых деталях, нюансах. Порой мы встречаемся с попыткой как-то «облагородить» звучание фамильного имени, но чаще всего имеем объективную и серьезную информацию. Фамильное имя Котепаховых («Къуэтепыхъэ») имеет свои нюансы как в произношении, так и в легендах. В частности, карагачские Котепаховы объясняют свое имя как «Къуэм тепыхъэ» — «оплакивающий сына». И фамильное предание не связано с мотивами утверждения мусульманской религии. Их родоначальник Кази Алоков угнал чужих овец. Когда потерпевшие приблизились к дому Кази, родственники последнего решили схитрить и приняли траурный вид. Естественно, что пропавших овец не стали искать в доме Кази. Но хитрость впоследствии была разгадана и потомков Кази стали называть «Къуэм тепыхъэ» — «оплакивающие сына».

Кошуков Мухарбек из сел. Ст. Черек не связывает происхождение своей фамилии с религией (первоначально — Кхъуэщыкъуей, затем — Куэщыкъуей). Фамильная легенда повествует о том, что родоначальника звали Бракъ. Он приехал в Кабарду с берегов Кубани: вынужден был бежать из-за кровной мести. Бракъ был

из рода Кошождковых, но перед отъездом его стали издевательски называть Кхъуэщкъуей — «кхъуэ» — свинья, «щкъуэй» — мелочь. Может, в силу того, что он «уходил» от кровной мести? Сейчас в Ст. Черече более 20 семей Кошукоевых.

Борьба языческой и мусульманской религий проявилась и в фамильном имени Кошаубовых (КхъуэщІэубэ) — «спрятавшие свинью под корыто»). Фамильное предание гласит, что спустя несколько поколений Кошаубовы сменили свою фамилию на Пшуковых.

О том, что Ислам не сразу был принят горцами и, в частности, кабардинцами, свидетельствует старое название Псыгансу (Жанхотова): «Чристан жылежь» — «село неверующих в Аллаха».

Но приводимые примеры фамилий вовсе не свидетельствуют о том, что Ислам резко отличался от языческой религии и болезненно вошел в сознание и быт горского населения. Естественное противостояние Исламу больше было связано с его сравнительно поздним проникновением в Кабарду и Балкарню. И при этом кабардинцам и балкарцам не пришлось отказываться от традиционной культуры, поскольку Ислам в основе своей строился на близкой горским народам ортодоксальной форме религии. Регламентация их жизни шариатом и адатом убедительное свидетельство тому, что ислам суннитского толка не был крайним противоречием традициям адатских норм. Поэтому и сегодня в сознании кабардинца и балкарца большинство обычаев и традиций понимаются как мусульманские. Коран не просто несколько веков понимается горцами, а своими этическими нормами поведения и общения воспитал не одно поколение людей.

Известно, что имеющий материальные возможности мусульманин один раз в жизни должен совершить паломничество в Мекку. И от паломничества — Хаджа — ведут начало немало Хаджиевых и Аджиевых.

Но, разумеется, не каждый паломник менял фамилию. Известно, что из Атажукино I в Мекке побывало более пятидесяти человек, среди которых наибольшим уважением в народе пользовались Къамбот Пшиготижев, Исмел Купов и Гузер Апшев. Фамилией Хатоховых из Инароково стало имя прославившегося при жизни Хаджи Хатоха. В Булунгу и сегодня живут потомки Исхака Лагиева из Дагестана, проповедовавшего в селе ислам. Не сменили своих фамильных имен

клишбиевцы (Нартан) Мита Хамдохов и Ибрагим Тамазов, безенгиевцы Исхак и Хажби — Хажы Боттаевы, тохтамышевцы (Лечинкай) Хамид Бетуганов и Надэр Кармоков.

В конце XVIII века житель сел. Атажукино (Кызбурун I) Хасана уже в зрелом возрасте также совершил хадж в Мекку и стал священнослужителем — муллою. С тех пор за его потомками закрепилось фамильное имя — «Молэ» — Моловы. В настоящее время в Кызбуруне I проживает 106 семей Моловых. Старшим в роду считается Фица. Моловых также можно встретить в Жемтале, Герменчике, Псынодаха, Кенже, Урвани и др. Потомки Молэ живут в Турции, Сирии, Иордании.

Верхнечегемские Кудаяевы относят корни своей фамилии к человеку, который был узденем по происхождению и жил в Эльтюбю восемь поколений назад. Как повествует предание, именем «Кудай» они хотели освятить свой род именем Аллаха. Потомки Кудая расселились в Суусузла, Кудай Кабакъ, Гунделене, Яникое, Ташлы-Тале и т. д. Как и Хубнеевы, они из своего рода выводят фамилию Кулиевых.

С мусульманским похоронным обрядом связана фамилия Деуровых.

Фамильное имя Оразаевых восходит к 30-дневному посту — Рамазану или Ораза, обряду, считавшимся угодным Богу.

Фамилия Курмановых связана с мусульманским праздником Курманом. «Къурмэн» дословно переводится как «жертва». В этот четырехдневный мусульманский праздник каждый верующий приносил в жертву быка или барана, в зависимости от состоятельности с целью получения божьего благословения.

Запрещение мусульман работать по пятницам — «Мэрэм» дало фамилии Маремовых, Маремкуловых и Маремуковых. Кабардинцы и балкарцы говорят: «Кто считает, что у него много детей, пусть работает в пятницу». Пятница в селах обычно считалась праздничным днем.

Адыги считали, что женить сына или выдать замуж дочь в пятницу — значит обеспечить счастливое будущее молодоженам. Отсюда и фамилия Маремшаовых («Мэрэмщауэ» — «жених в пятницу»), которых можно встретить во многих селах Кабарды и не все из которых родственники. Потомки разных родоначальников Маремшаовых есть и в Залукокоаже. Среди них и Маремшао-

вы, вышедшие из фамилии Макеровых. Еще в годы Русско-Кавказской войны Шолах-Хаджи Макеров, родом из Темрюка, явился одним из организаторов выступления против политики царской администрации, в результате чего ему пришлось покинуть прикубанские земли. Вместе с семьей вначале он остановился в Локъуажэ (Красный Восток), а затем переехал в Кабарду. В Красном Востоке за ним закрепилось фамильное имя Маремшаов.

В Кабарде Маремшаовы сначала жили в Чыщбалкъ (Кичмалка), а затем в Абыкъхухэблэ (Залукокоаже). В семье Шолах-Хаджи были два сына: Муса и Ислам, затем четыре внука: Чамиль, Азраил, Ибрагим, Абубекир.

Еще в бытность Анзорей (Второй Лескен) одного из сельчан — Быту — назвали сыном святого дня — «Мэремыкъуэ». Наши информаторы не могут сказать, почему это случилось. Но потомки Быту: Хамырз, Алихан, Бато, Асчерхан и другие стали носить фамилию Маремуковых.

В горских обществах священнослужители считались наиболее авторитетным и уважаемым сословием, и личность священнослужителя была неприкосновенной. Нередко фамилии кровников, чтобы добиться статуса неприкосновенности, отправляли своих юношей в религиозные школы и затем в Мекку. Но бывали случаи, когда и это не помогало. В Абзуан-Хаблэ (В. Куркужин) несколько поколений назад поселяется некий Умар (фамилия неизвестна) и в неразрешимом конфликте убивает муллу. Сельский сход, подробно проанализировав и разобравшись в конфликтной ситуации, признал его невиновным и разрешил остаться в Абзуан-Хаблэ, поскольку его жена была родом отсюда. Умара в дальнейшем стали называть «Хъэжбий» — «враг муллы». Он и его сыновья Урусбий, Талула, Хасан, Мухамед и Хусен стали Хажбиевыми.

Исторический анализ кабардинских и балкарских фамилий свидетельствует не только о древней и богатой истории наших народов, но и о проблемах и сложностях, стоящих на этом длительном и многопоколенном пути. Не обошли их стороной эпидемии, войны, политические события и социальные изменения, миграции. Нередко рядом с борьбой за существование, с развитием богатейшей народной культуры, с радостями повседневной жизни шло и горе. Фольклорные материалы

балкарцев рассказывают о вымирании от чумы таких фамилий Чегемского ущелья, как Тиленчиевы (Тиленчилары), Сюйюндюковы (Сюйюндюклары), Айтековы (Айтеклары). Легенда повествует, что в дальнейшем род Айтековых продолжили дети служанки этой фамилии. Сегодня напоминанием об одной из таких эпизодически повторяющихся в истории народа трагедией служат могильники Гестенты и Ылышкы.

Судьбы фамилий складывались по-разному: одни из них становились многочисленными, другие меняли этническую принадлежность, третьи вообще исчезали. К примеру, Мизовых («Мыз» — «много») в Жанхотово называли так потому, что до революции только в этом селе насчитывалось более пяти десятков дворов. И каждая семья включала в себя от 10 до 15 человек. Они владели обширными пахотными и покосными угодьями, имели несколько табунов лошадей и сотни голов крупного рогатого и мелкого скота.

В Псыгансу в наши дни проживает 65 семей Мизовых, несколько десятков семей — в других селах и населенных пунктах Кабардино-Балкарии.

Некоторые фамилии исчезли в связи с переселением за пределы Кабарды и Балкарии, в связи с событиями Русско-Кавказской войны, колонизаторской политикой царской России, перегибами Октябрьской революции и гражданской войны.

ОТ ИМЕНИ И ПРОЗВИЩА — К ФАМИЛИИ

Легенды, предания и истории фамилий свидетельствуют о том, что фамильные наименования кабардинцев и балкарцев происходили прежде всего от собственного имени основателя фамилии. Причем этот процесс был характерен как для ранних этапов развития общества, так и более поздних. Чаще всего образование новых фамильных имен было связано с выделением отдельных семей из фамильных кварталов и переселением их на новые места жительства. Своеобразен, например, процесс возникновения фамилии аргуданских Какневых (Къакъый), считающих себя отделившейся ветвью Чеченовых из Каш-Катау. Термин «Къакъый» переводится как «новорожденный теленок» и в наши дни мало употребим.

Создание хозяйств и очагов вне пределов родовых владений являлось достаточным основанием для смены

фамильного имени именем главы семьи. Одними из таких древних фамилий можно считать фамилии Геккиевых, Боттаевых, Ахкёбековых, Аттоевых. Известно, что много столетий назад в районе нынешнего Кызбурупа — I, а затем земель «Айлама Къулакъ» (Былым) жил Атто с сыновьями Гекки, Жочча, Ботта, Ахкёбек и Атто. Младший сын был назван именем отца, чтобы имя Атто продолжалось в следующих поколениях. Фамильное предание гласит о том, что глава большой семьи и был похоронен в земле «Айлама Къулакъ». После смерти отца осталась большая семья из неразделенных братьев, которые в дальнейшем решили осваивать земли в соседних ущельях. Жочча пустил корни Жоччаевых в Карачае, остальные братья обжили участок земли «Жит Жол» местности «Жуушку» в Безенгиевском ущелье. Но все они продолжали считать родовой землей участки местности «Акъ-ку». Поселение их в этом ущелье положило начало четырем фамилиям: Геккиевых, Боттаевых, Ахкёбековых и Аттоевых. Со временем Гекки перебрался назад на Баксан, в местность «Угъары Баксан», где продолжился род Геккиевых.

Один из сыновей Ботта, женившись на девушке из рода Кахиани, переехал в Сванетию, а кто-то из внуков Ботты — в Осетию (в Осетии и сегодня живут Ботаевы). Прошло не одно поколение, и Боттаевы расселились почти в 20 населенных пунктах Балкарии и Кабарды. В сентябре 1991 г. на земле своих предков «Акъ Къу» собрались на фамильный сход Боттаевы, более трехсот человек, среди которых были и старейшины рода: Даут, Шакман, Мустафа, Сейпуллах, Ибрагим, Зейтун и другие.

Фамильное имя Отаровым дал Отар Дадешкилиани из Месхи. Восемь поколений назад он жил в Верхнем Баксане, а оттуда его потомки расселились в Гюрхожан, Гунделен, Белую Речку, Хасанью и другие села. В Хасанье сегодня проживает 31 семья Отаровых, и возглавляет их старейшина рода Хаджи-Муса Сафарович.

Родоначальник фамилии верхнечегемских Шахмурзаевых в седьмом поколении от нас был сваном Эльмурзой Гуджеджиани. Вместе с четырьмя сыновьями: Шахмурзой, Атмурзой, Асланом и Теку, — поселился сначала в Баксанском ущелье. Шахмурза, Атмурза и Теку положили начало трем соответствующим фамилиям.

ям: Шахмурзаевых, Атмурзаевых и Текуевых. Эльмурза и Аслан вернулись на родину в Верхнюю Сванетию. А Шахмурза со старшим сыном Исхаком переехал в верховья Чегемского ущелья. Исхак был прапрадедом родоначальника балкарской поэзии Саида Османовича Шахмурзаева. Младший сын Шахмурзы Исмаил известен тем, что оказался близким фамилии Атажукиных (Заюково), пользовался их покровительством и вступил в брак с несколькими женщинами. От брака с представительницей тукъума Борчаевых из Баксанского ущелья пустил корни атаул Али-Хаж. В Атажукино I Исмаила называли «черкес Исмаил», а его детей и потомков — Черкесовыми.

Десять поколений назад в Думале Чегемского ущелья Гему обосновал фамилию Гемуевых, а его потомки — Хутуевых и Атмурзаевых.

Деппу — основатель безенгиевской фамилии Деппуевых — выходец из атаула Хажгериевых фамилии Узденовых, живших в Карачае, Причина его отделения от фамилии — кровная месть между Деппу и Боташевыми.

Лечинкаевские Бетугановы считают первыми поселенцами своей фамилии, жившими 8 поколений назад в Тохтамышево, братьев Кеждахуа и Екуба. Но фамильное имя Бетугановым, предположительно, дали гораздо раньше два брата, жившие еще на Кубани: Бей и Туган. Неразделенную большую семью братьев называли «Бейтуган» или «Бей лъапсэ», в дальнейшем — закрепилось первое. В эпониме Бейтуган заключен смысл единой зажиточной, богатой не только материально, но и людьми, семьи.

Фамилия Бетугановых, как и другие роды разрасталась, у ее членов возникали свои проблемы, по-разному складывались отношения с односельчанами. И вполне закономерно, что отдельные потомки Кеждахуа и Екуба оказывались в других селах Кабарды. К примеру, если по каким-то причинам мать разрывала связь с родом и переезжала в другое село, дети следовали за ней (анэдэкIуэ» — «вслед за матерями»). Так часть Бетугановых оказалась в Урвани. Среди последующих поколений и по ряду других причин в Баксан перебрались братья Жанхот, Шараждин и Абичерим; в Каменномостское — Назир и Башир; в Н. Чегем — Амуш и Мустафа.

Хозяйство у отдельных семей фамилии до революции было середняцким. До революции семья Бетуга-

нова Мушарадина владела несколькими десятинами пахотной земли, а также сенокосными участками «Бетгыуэн Мышэ и мэкъупІэ» и «Тагир и мэкъупІэ».

В жаркий июньский день 1991 года в Хуламо-Безенгиевском ущелье у башни известной как Жабоевская появились люди. Это были потомки некогда процветающего рода, жившего в этом красивом сооружении — Жабоевы, которых сегодня можно встретить во многих населенных пунктах Кабардино-Балкарии. Полуразрушенная башня напоминала о своем величии и когда-то важном стратегическом положении в ущелье. Здесь жил древний род. Автору книги приходилось уже писать о башне Жабоевых и ее трагической истории в статье «Жабо къала» (Коммунизмге жол, 1976, жыл, 13-гю ноябрь, № 228) и в книге «Балкарский тукъум» (Нальчик, 1978, с. 67). А история коротко такова: в башне жил процветающий род. Ему принадлежали тысячи овец и не один табун лошадей. Немало соседей зарились на это богатство. И вот однажды хитростью и вероломством башня была захвачена, мужчины уничтожены, богатство разграблено. Но напрасно думали грабители, что с башней и ее обитателями покончено навсегда. Когда это случилось, одна из молодых женщин рода находилась у родителей в Черекском ущелье, где черед полгода у нее родился ребенок, которого называли Жабо. Став совершеннолетним, Жабо возвращается в Хуламское ущелье и поселяется рядом с башней, своим родовым гнездом. Прошли десятки лет, и здесь стал процветать поселок Жабоевых, появились добротные жилища, налажен быт, увеличивались отары овец и стада крупного рогатого скота. Добрые отношения с соседями усхурцами, хуламцами, бызынгиевцами, будни сельчан с праздниками и печальями, суета домохозяек и смех многочисленной детворы вроде бы не предвещали ничего трагического. Но наступил черный март 1944 года, когда в поселок, который сиротливо ждал своих джигитов с фронтов Великой Отечественной войны, пришла новая беда: выселение с родных мест в неведомо какие края...

Прошли долгие и мучительные годы, восстановлена была справедливость в отношении репрессированных народов и опять вернулись Жабоевы к могилам своих предков, корню своего генеалогического дерева: башне Жабоевых.

Но фамилия Жабоевых характерна и тем, что из ее

древа отпочковывались и другие фамилии, основателей которых называли по прозвищам. Предание гласит, что один из Хуламских Жабоевых после серьезного конфликта с односельчанами, не желая навлечь мести на своих близких и родных, решил скрыться в Чегемском ущелье. Во время преследования ему удачно, в несколько прыжков, удалось перебраться через бурную реку, что изумило и остановило преследователей. Один из них с удивлением воскликнул: «Не тап басты!» — «Как он верно наступил!» Впоследствии он стал в Чегеме Тапасхановым. Много замечательных людей вышло из этой фамилии, положив начало фамилиям Аккизовых, Кюйгеновых, Макитовых, Акбулатовых.

Жылау — имя основателя фамилии Жияевых (Атажукино — I).

Жияев Нурби Худинович, 1931 г. р., из сел Заюково насчитал девять поколений членов своей фамилии: Алан — Арсен — Нурбий — Худин — Мурзабэч — Ильяс — Бэч — Жылау, хотя и уверен, что Жылау был в свое время продолжателем более древнего рода. Одна из боковых линий Жияевых после неразрешимого конфликта Якуба Жияева с односельчанами Гедгафовыми пустила корни в Малой Кабарде. Семьи этой фамилии занимались скотоводством (в среднем им принадлежало по 12—15 лошадей, до 50 голов крупного рогатого скота и от 150 до 200 овец), выращивали кукурузу, просо. Жияевы владели большими покосными участками за горой Хара-Хора, где они и держали скот. На сегодняшний день в Заюково 52 семьи Жияевых, возглавляет фамилию самый старший и мудрый — ХьэпащIэ.

На памяти Шогова Шукри Тагировича, 1922 г. р., с. Верхний Курп, семейное предание осталось в неполной и, к сожалению, расплывчатой форме. Но он рассказал, что корни его фамилии восходят к человеку по имени Шога (Шогуэ), жившего в Пседахо. Шукри Тагирович помнит наиболее ранние имена двух братьев Эльджеруко и Безруко. Где-то в середине прошлого века жители с. Пседахо после постоянных конфликтов с соседними селами во главе с Инароковым поселяются в районе нынешнего В. Курпа. Среди переселенцев были Эльджеруко и его племянник Фока. Инароково основалось рядом с сел. Исламово, в дальнейшем они объединились в Верхний Курп.

Нижежемталинские Кудыевы (Кьудей) и аушигер-

ские Жаболиевы (Жэбэлы) пять-шесть поколений назад жили на берегу Черека между Кашка-Тау и Аушигером, куда они попали, вероятно, оставив свое горное родовое гнездо. Следы поселения братьев сохранились и сейчас. Легенда не сохранила причину, но и это место жительства братья оставили. Жэбэлы присоединился к аушигерцам, Кэудей перебрался в Н. Жемталу.

Как правило, фамильное название закреплялось от имени или прозвища человека, при жизни прославившегося или чем-то выделяющегося среди родственников. За патронимиями и «фамилиями» закреплялись имена потомков их основателей по той причине, что они или в каких-то чертах превосходили родоначальников (считались хорошими организаторами, были хваткими в хозяйстве, отличались храбростью, умом), или в связи с переселением на новые места становились основателями новой патронимии. Качествами прекрасного организатора и хозяина обладал старший из трех братьев Кабаковых Бекалды, живший в Касаево (Баксаненке). Он сумел на должный уровень поставить кузнечное дело, сделать его семейной профессией. Популярность братьев выходила за границы сел, расположенных по Баксану. Отдельные из сыновей, внуков и правнуков этих братьев по приглашению поселились в Наурузово (Кызбуруне II), Жанхотово (Псыгансу), Аргудане. А называли всех их по именам Бекалды Бекалдиевыми.

Древний род Теуважуковых из Ашабово (Малка) не сохранил предания о том, почему их родоначальника называли «Теувэж» — «вновь вернувшийся». Но о том, что его сын отличался определенными качествами, свидетельствует дальнейшая история фамилии. Своей фамилией фактически Теуважуковы (Теувэжкэуэ) обязаны сыну Теувэжа, поскольку смысл ее надо понимать как «сын Теуважа». В 30-е годы часть Теуважуковых с семьями других фамилий образовали с. Этоко (Ятгэ-кэуэ — грязевая лощина).

Начало фамильного имени болатовских (Терекское) Темроковых (Темрокэуэ) положил сын Темыра Темрокэуэ, который, как и отец, был родом из с. Баргун, располагавшемся при впадении Сунжи в Терек. Фамильное имя дословно переводится следующим образом: «Тэмыр» — «железо» и «кэуэ» — «сын». В Болатово (Болзтей) проездом первым появился Балтаруко Темроков. Почетного гостя из старого кабардинского поселения с удовольствием приняла семья Кабардовых.

Путь гостя — зеклуэ (в те времена путешествия знатных адыгов считались признаком достатка и правилом хорошего тона) лежал на Кубань, в Черкессию. В хьэщцэщ гостя обслуживала дочь хозяина, которая ему и приглянулась. На обратном пути из Черкессии с согласия Кабардовых он женился на ней и забрал с собой в Баргун. Там у них родился сын Безруко, и когда ему исполнилось пять лет, умер отец. Молодая вдова с сыном возвращается в Болатей в родительский дом. Впоследствии Безруко получает образование в Мекке и служит муллой в Муртазово (Дейское). Два его сына: Хажумар и Исуф продолжили род Темроковых.

Теуовы ведут свое происхождение от кровника Сафара, которому дали приют в Хьэпцлей (Хамидия). Поскольку это был очень воинственный человек, его стали называть «Теуэ», что означает «наступай» (в прямом значении — «постучи»). У Сафара было трое сыновей: Болат, Бекмурза и Каншао.

После Октябрьской революции старший из сыновей Теуэ Болат навсегда покидает родину и уезжает в Сирию, второй — Бекмурза обосновывается в Нижне-Кожоково (Н. Черек). В 1929 году часть Теуовых облюбовало Псынабо, где на сегодняшний день их проживает 11 семей.

Но были фамилии, которые в связи с малочисленностью не могли сразу ответить своим кровникам. Это однако не значило, что они отказывались от мщения. Культ предков не позволял горцу пойти на такой шаг. Отказывались они, как правило, на какое-то время. Подобная трагедия разыгралась с Гьубжокьуэ, в результате конфликта с враждующим родом погибла глава семьи и трое сыновей. Младший Гьубжокьуэ, поняв, что ему сразу не справиться с целым кланом противников, и в целях сохранения фамилии скрывается в Джанхотово. Аксакалы села, узнав историю Гьубжокьуэ и поняв, что гость не испугался и не сбежал, как трус, а просто сделал до определенного времени разумный ход, дали ему прозвище «Жанэ» — «шустрый». Прошли годы, подросли сыновья Гьубжокьуэ и, когда уже кровники забыли о своем долге, Жановы напомнили о себе: достойно рассчитались за кровь своих близких.

Сельчане жили на виду, замечали все положительное и отрицательное, что характеризовало человека,

его семью, род и выделяли наиболее значительные из черт.

В сел. Малка (в прошлом Ашабово) дружно, как бы согласно названию своей фамилии живет семья пенсионера, но еще работающего Зубера Махотлова. Одиннадцать поколений назад в этом же селе жил их родоначальник Асланбек, которого звали «МахуэлI» — «счастливый муж или мужчина» и понималось это как счастливый глава семьи. Семья Зубера: старший женатый сын, сноха, младший сын, внуки, — продолжает традиции рода, строя свою жизнь на общем бюджете, взаимопонимании, уважении друг к другу, обычаях своих предков.

Тамбиевцы (Кызбурун III) видели, что их односельчанин Индрис-непоседливый, непостоянен, склонен к переменам и назвали его «Жыкъуэ» — «сын ветра». Правда по версии других представителей этой фамилии его называли «сыном ветра» потому, что в село он попал случайно, как бы попутным ветром. Но так или иначе сегодняшние Жуковы, а их в Кызбуруне III II семей, как считает старейшина фамилии, очень уважаемый в селе человек, не пошли в основателя фамилии: спокойные, уравновешенные, крепко привязаны к земле своих предков.

Бековых в Кызбуруне II называют «Техъарэ» — «топливый».

Очень точно термин «Техъарэ» отражен в словосочетании из предания «Жьым тесу, псым йопыдж» — «Сидя верхом на ветре, бодает воду». Так вот, один из членов фамилии Бековых Техъарэ в отличие от односельчан задержался с уборкой урожая, заявив, что успеет, что погожие дни еще будут. Так и случилось, а бабье лето люди стали называть: «Техъарэ и гъэмахуэ цыкIу» — «Маленькое лето Техары».

В основу фамилии Атажукинских Гедгафовых (Джэдгъэф), носивших в более отдаленные времена фамильное имя Еудых, лег курьезный случай. Рассказывают, что в селах во время двух-трехдневного отсутствия старших дома, молодежь приглашала сверстников и организовывала веселья. Непременным компонентом молодежного веселья считалось блюдо «щхъэмыгъэуз», что переводится как «средство от головной боли», т. е. от ожидания, от тоски. Этот обряд имеет специфику жертвоприношения, так как считалось, что если не пустить хотя бы курице кровь и не устроить ве-

селье, то поездка и возвращение домой отсутствующих может быть неблагоприятными, неудачными. Специфика этого блюда (его приготовления) состояла в том, что готовить его должны были только молодые. Семейная легенда Гедгафовых рассказывает именно о таком случае: девушки Еудыховых обрабатывали курицу, когда взрослые раньше предполагаемого срока вернулись домой. Девушкам пришлось спрятать курицу в амбаре, зарыв ее в зерно. А через несколько дней полусгнившую курицу обнаружили покупатели проса у Еудыховых. Так, вначале в шутку, а затем уже и всерьез стали называть Еудыховых Гедгафовыми.

В Малке (Ашабово) рассказывают о том, как произошла фамилия Гедмишховых. Примерно девять поколений назад аульчане прозвали «Джэдмышх» — «не едящей курятину» молодого человека по имени Мухамед, который действительно не ел птицу. Потомки Мухамеда по прямой линии: Азамат — Мухамеддин — Астемир — Мурадин — Мухтар — Наиб — Муаед — Артур.

Гедмишховы владели земельными угодьями за урочищем «Каратау», где возделывали злаковые культуры и разводили скот. В районе Малки сохранился овраг Гедмишховых — «Джэдмышхыкьюэ», и источник целебной воды «Гедмишх».

В наши дни Гедмишховы живут в Сармаково, Камлюко, Каменномостском. Старшим фамилии считается Инал Мухтарович, живущий в Конзаводе, ему 93 года. Он возглавляет большую семью: с ним живут его взрослые дети, внуки.

Неотъемлемым качеством горцев считалось чувство юмора, сопровождавшее их в трудовых буднях и в праздничные дни. Лечинкаевские Хагажеевы считают, что их род существует 13—14 поколений. Семейное имя отдаленных предков народная память до них не донесла. Но почему пять поколений назад, когда их село еще называлось Тохтамышево, их прямой предок Тамбий стал Хагажеевым, они помнят. Элементарная шутка Тамбия закрепила за ними прозвище «Хьэггэ-жей». Тамбий, отправляясь с друзьями на охоту, не взял с собой свою охотничью собаку. Когда друзья спросили его об этом, он серьезно, даже не улыбнувшись, ответил: «Моя собака отдыхает, она спит». Развеселив таким образом своих друзей, он и не подозревал, что эта шутка будет стоить ему в дальнейшем фа-

мильного имени «Хьэгъэжей» — «Человек, чья собака спит». Правда, с подобной трактовкой своего фамильного имени не согласилась представительница этой фамилии Хагажеева Сурат Асхадовна, 1889 г. р., также проживающая в Лечинкае. Она говорит, что Тамбий получил это прозвище от того, что односельчане часто видели в его доме собаку, спящую на расprostертой бурке «ЩаКлуэ». «Хьэгъэжей» — усыпляющий собаку.

Оршокдуговы (Уэршэкудыгъу) свои корни относят к предкам, занимавшимся овцеводством и жившим в районе расположения нынешнего Георгиевска. Фамильное предание сохранилось в несколько шуточной и своеобразной форме. Старшие Оршокдуговых рассказывают, что много поколений назад их родоначальник был чабаном, весельчаком по натуре, находчивым, любил подшучивать над односельчанами, особенно над своим другом, пасшим в горах табун лошадей. Но тот тоже был парень не промах, на шуточки отвечал шуточками, и однажды ему удалось украсть у чабана седло. И тогда основатель фамилии Оршокдуговых поспорил с табунщиком, что сможет украсть у него, спящего, матрац — уэршок. Глубокой ночью, когда табунщик крепко спал, он подsunул ему в постель срез муравейника, после чего спящий, ерзая и крутясь, сполз с постели. Матрац был унесен. Спор был выигран, а победителя и его потомков стали называть Оршокдуговы — укравшие матрац. Постоянное место жительства Оршокдуговых Тамбиево I (Кызбурун III).

Знаменательное событие в жизни родоначальника Шомаховых стало отправной точкой этого фамильного наименования. Шомаховы — «счастливый день жениха». Дословный перевод: «Щауэ» — «жених», «Махуэ» — «счастливый день». Трудно, вероятно, сложилась судьба брака родоначальника Шомаховых, раз односельчане закрепили за ним это прозвище. Вполне возможно, что жених долго собирал выкуп за невесту, не сразу обзавелся своим, достойным семьи невесты, хозяйством, тяжело добивался согласия родителей невесты на брак и т. д., но в результате этот счастливый день пришел.

В Заюково имеет место и другая трактовка фамилии Шомаховых (Щомахуэ), выразившаяся в следующей притче. Один из молодых односельчан атажукинцев, зайдя в кунацкую (не предполагая, что там застолье), не растерялся: спокойно подождал, пока будет сказано тост и люди выпьют. И затем только он произнес одну

из традиционных для подобного случая фраз: «Гуп махуэ апший!» — «Будьте счастливой компанией!».

Правила о входящем в помещение и выходящем для народов Кавказа универсальные: первым здоровается тот, кто входит, прощается — уходящий раньше остальных. Ему ответили: «Щауэ махуэ ухью») — «Будь счастлив, парень». Тамада подал ему чашу с махсымой, молодой человек отпил из нее, обслуживающий наполнил бокал снова и вернул ее назад. Далее, соответственно возрасту и статусу тамада определил ему место за столом. Но было видно, что он сам хорошо знает, положенное ему место, не занимает же его, лишь ожидая решения тамады. Ошибка в поведении могла надолго скомпрометировать молодого человека. Гости с одобрением отнеслись ко всей церемонии, к его поведению. С тех пор молодого атажукинца стали называть «Щаумахуэ», а трансформация термина переросла со временем в фамильное имя Шомахов.

К молодым людям подобного поведения, умевшим вести себя достойно в любом обществе, чувствовавшим ситуацию, владеющим образной речью, с уважением относящимся к старшим, с почтением относились и в Карачае, и в Балкарии. О них говорили: «Къартла бла баш ашагъанжашла бла аякъ ашагъан» — «Умеющий находить общий язык и со старшими, и с молодежью».

Возникновение фамильного имени Лечинкаевские Тхагапсоевы объясняют нетипичным для их рода случаем. Легенда повествует, что в далекие времена, в одном из адыгских сел братья совершили весьма серьезный проступок, за что были осуждены не только своей родней, но и сельским сходом. Отец привез этих молодых людей в село Тохтамышево под контроль своих друзей, создал им необходимые условия для жизни и на прощание сказал: «Тхьэм фигъэпсоу!», что переводится: «Волей Аллаха, живите!» Затем стало звучать выражение «Тхьэгъэпсо», ставшее фамилией Тхагасоевых.

Нам представляется, что это фамильное имя можно истолковать и как «семья, живущая волей Аллаха», то есть «удачливая», «счастливая, состоятельная» и т. д.

Несколько иной смысл вкладывает в историю зарождения фамилии Тхагапсоев Е. К., 1915 г. р. По его версии родные братья Ахмед и Анзор Натыжоковы, попросив разрешения у князя Тохтамышева на поселение в его селе и пожив там некоторое время, произвели

благоприятное впечатление на князя и односельчан. В братьях князь увидел людей порядочных, простых и доброжелательных и сказал им следующее: «Оставайтесь и живите для себя». В дальнейшем их стали называть — «живущие для себя» — «Щхьэгъэпсо». В трансформации фамилия стала звучать как Шагапсоевы. Приведенное предание указывает на генетическую общность этнонимических названий Тхьэгъэпсо и щхьэгъэпсо, фамильных наименований Тхагапсоевых и Шагапсоевых.

Основу фамильного имени могла дать и предприимчивость ее основателя, как это случилось с родоначальником Батыровых («ПлэтГырэ» — «ранняя весна).

«ПлэтГырэ» характеризует время года, приходящееся на март месяц. Согласно преданию, полностью фамильное имя звучит ПлэтГырэ Жуз». Жуз — имя девушки из Герменчика, отец которой обратился в марте к зажиточному односельчанину помочь закончившимся к этому времени кормом для скота. Но богатый сельчанин согласился помочь просителю с условием, если тот отдаст ему в жены свою дочь Жуз. Отец девушки впоследствии и назвал предприимчивого зятя «ПлэтГырэ Жуз», то есть Батыровым.

За свой ум, смывленность, а также предприимчивость родоначальника Башиевых называли Баши. Жил он 9—10 поколений тому назад в Зарашкы.

Чаще всего в патриархальных семьях хозяевами были мужчины, а место женщины определялось домом и очагом, нередко фамильные наименования могли закрепиться и от имени женщины. Дореволюционные и современные этнографы кавказских народов обращали внимание на главенствующую роль женщины в семье и фамилии, как хранительницы очага и рода. Большую часть времени горская женщина проводила у святыни семьи: у очага, в квартале членов своей фамилии. В адыгских и карачаево-балкарских обществах высоко ценилась роль женщины, особенно старших по возрасту. Не случайно адыги говорят: «Женщина предпочтительнее в старшинстве, нежели мужчина». Авторитет кавказских женщин в семье и общине проявлялся, к примеру, в том, что адыги называли своих жен «спутниками головы», карачаевцы и балкарцы «хозяйками очага», чеченцы и осетины «гражданками страны».

Адат и шариат, конечно, не признавали равенства мужчин и женщин, определяли функции и обязанности

тех и других, органичивая последних внутренней жизнью семьи. И все же горская женщина обладала относительно личными правами, могла принимать участие в случае экстремальных ситуаций в общественной жизни села, выступить с мужчинами на защиту своей земли. Издревле горские женщины оказывали влияние и на общественные отношения, и на общесельские дела. В названии села Лечинкай сохранилось имя Лашин, прославишейся своей храбростью. По одному варианту легенды она была дочерью Кайсына и невесткой Шаковых, по другому — Тохтамышевых.

Для Балкарии легендарно имя Мирзоевой Ктау, принявшей деятельное участие в Черекском восстании. Старики и теперь цитируют Ктау, которая, выступая перед односельчанами, заявила: «До каких пор Жанхоты будут угнетать две тысячи домов Балкарии? Нет у них на это права! И ни у кого нет прав на угнетение человека!»

Женщина, зарекомендовавшая себя в обществе, с твердым характером, добродетельным поведением и порядочностью, могла дать название фамилии. Таковы были родоначальницы Анаевых, Алафаевых, Залихановых, Ксанаевых, Мисостовых, Тлостановых, Гызыевых, Аккизовых, Кишевых, Гуашхоновых, Зарукаевых, Кучуковых и др.

Информатор Мокаев Ч. М., 1906 г. р. из В. Балкарии рассказал, что из их фамилии выделились Аккиевы и Кубадиевы. А начало Аккиевым положила женщина с боевым характером по имени Акки.

Боллуева Мёлехан, 1916 г. р. из Хасаньи вспоминала очень мудрую и уважаемую среди односельчан тетю Салихат, которую мужчины села не только признавали, но и часто цитировали ее в разговоре: «Салихат аттханлай» — «Как говорит Салихат». О ней говорили, что «эта женщина немало мужского ума». «Подобные женщины, — рассказывает о женщинах Балкарии Бичекуев И. А., 1884 г. р., сел. Гунделен, — поднимали на чоги даже столетних старцев и заставляли приветствовать себя стоя». В Малой Кабарде известной в этом отношении женщиной была Теуникова Диса, прожившая большую и долгую жизнь (105 л.), она была тонким психологом, всегда могла дать разумный совет.

Соговы из Заюкова еще помнят, что в конце 20-х годов их называли Зрумовыми по имени прославившейся своей самостоятельностью, решительностью и силой

воли женщины Зрум. Рано оставшись без мужа, она подняла на ноги пятерых детей, создала богатое хозяйство, мудростью и остротой ума соперничала с наиболее авторитетными аксакалами.

В сельской среде наших народов широкое распространение имели фамильные наименования, происходившие от прозвищ по внешним и физическим данным, силе, телосложению и т. д. На прозвища не реагировали, не обижались, да и общество не осуждало тех, кто их давал. Чаще это делали старики села, которых называли «цІэфІэщ» — «называющие» или «дающие имя» и которые определяли наиболее характерные черты той или иной семьи.

Члены более 150 семей процветающего ныне рода Бжениковых, у которых летом 1991 г. в с. Залукокоаже состоялся семейный сход, не могут сегодня рассказать, как за их далеким предком закрепилось фамильное имя «БжэныкІэ» — «козий хвост». Но они помнят, что их корни ведут в Черкессию в сел. Дударкъуей к Фице (ФІыцІэ) Бженикову, двое сыновей которого — Шолах-Хаджи и Огурли-Хаджи переехали в Абуково. Столетний Якуб Бекович Бжеников рассказал, что Фице был его прадедом.

Иногда просто шутливый разговор мог сыграть определяющую роль в возникновении фамильного имени, как это случилось с братьями Тхашоковыми (ТхэщІокъуэ) из Кармово (Каменноостское), случайно встретивших по пути на сенокос джегуакІуэ (народного сказителя). От предания больше веет фольклорным сюжетом, но стопятнадцатилетний Джамал Тхашоков из с. Белокаменское считает его фамильным. Шутливо, с юмором разговаривая с каждым из братьев джегуако спросил старшего: «Как твое имя, джигит?» «Тхэжьбий» — последовал ответ. «Тхэжьбий» переводится как «враг старого бога». Джегуако внимательно посмотрел на благообразное, с правильными чертами лицо собеседника и сказал: «Хоть кто-то и посчитал тебя врагом старого бога, мне думается, что ты все же поборник нового. Будь «ТхэщІокъуэ» — «сыном от бога». Среднему брату, сидевшему в повозке, запряженной старым меринем, он, улыбаясь и подмаргивая остальным, сказал «уи шыжыри гуфІэжу» — «и мерин твой радостный», и будешь ты «ГуфІэжьыкъуэ» — «сыном радостного». Обратив внимание на скромно сидящего и стеснительного младшего, он спросил: «Куда же все-таки,

молодой и серьезны, вы путь держите?» И когда узнал, что на сенокос, произнес: «Это прекрасно, косарь (Мэкьюауэ)».

Нам представляется, что прозвища отражали вполне реальные качества людей и философские представления крестьян об окружающем мире. Шевхужева из Малой Кабарды получили фамильное имя от «Шаохуж» — «Белого юноши», жившего семь поколений тому назад. Он резко отличался от своих сородичей и односельчан белым цветом кожи, манерой поведения, рассуждениями, степенностью. Будучи молодым, он пользовался авторитетом аксакалов села. Ни его отец Хамгок, ни дед — Кайсын, ни даже сын Инал, основавший около Моздока село Инал-Хажи Куажа не производили такого впечатления на современников, как «Шаохуж», прозвище которого и стало фамилией. Интересно, что горцы нередко давали имена детям по внешним признакам, причем эти имена не всегда становились фамилиями. В этом отношении известны примеры и более позднего времени. Например, внуки Акъбаш Чораевны Жолаевой рассказывают, что ее стали называть Акъбаш (Белая голова) в связи с тем, что ее волосы побелели, когда она еще лежала в люльке. Старожил с. Дейское (Муртазово) Мусаев Хацхуно Кантемирович, 1897 г. р., поведал нам о том, что его предок Муса Дышней со своими братьями Шаба,, Дакус и Тарш выходцы из Назрани. С переездом в Муртазово сельчане прозвали его «Муса пэкIыхъ» — «длинноносый Муса, поскольку он выделялся своим ростом и удлиненным носом. За сыном Мусы Даду и закрепилось фамильное имя Мусей. Даду был дедом нашего иформатора Хацхуно Кантемировича.

Предание гласит, что во время чумы из фамилии Тотуковых (Тотукълары) выжил только один мальчик, за рыжий цвет волос которого его потомки стали называться Сарбашевыми.

Верхнекуркужинские Тлихураевы происходят от одного из членов фамилии Мишоковых (Мыщокъуэ), прозванного так за свою полноту: «ЛIы» — мужчина, «хъурей» — круглый. У ЛIыхъурей было пятеро сыновей и одна дочь.

В фамильных преданиях, песнях и рассказах сохранилось немало повествований о горских богатырях и силачах. В кабардинских и балкарских селах широкое

распространение имели состязания в силе, удали, борьбе; скачки, джигитовка, стрельба по мишеням и т. д. В Атажукино самым распространенным видом состязания считалось перетягивание каната. Старожилы рассказывают, что их односельчанин Каральби Шерхов мог одержать победу над несколькими мужчинами. На больших праздниках Патыра Жилев демонстрировал свой коронный номер разламывания мощного разветвления дерева.

Родоначальник Богатыревых Муци действительно был человеком крепкого сложения, отличался высоким ростом и силой. Старики фамилии рассказывают, что он переселился из Черкессии и тепло был принят старшиной Н. Курпа (Къаншыуй) Къатуаэуэ и сразу же стал гордостью села. Отменными физическими данными отличались и сановья Муци: Инус, Юсуп, Муса и Мамсыр, положившие начало четырем ветвям генеалогического дерева Богатыревых.

Интересен в этом плане анализ фамильных имен Пиловых, Пилижевых, Пелуановых. Так, если фамилия Пиловы дословно означает «Слон», то Пилижевы — «могучий, матерый слон», а Пелуановы — «богатырь».

О физически сильном человеке, у которого мощное запястье, кабардинцы говорят «Іэпщэ». Это прозвище, по свидетельству легенды, легло в основание фамилии заюковских Апшевых, родоначальника которых отличали выносливость и сила.

От прозвища «Къэрэжь» пошло начало фамилии Карежевых. К сожалению, сегодняшние Карежевы не могут точно вспомнить своего родоначальника, но звали его Къэрэжь именно потому, что был он смуглый и крепкого сложения человек. Его авторитет был настолько высок, что его потомки, расселяясь по другим поселкам, сохранили фамильное имя Къэрэжь. Сегодня Карежевы помнят девять поколений своей фамилии, самый отдаленный их предок — Токъу. Два его сына — Увжыкъуэ и Талъустэн — являются основателями двух ветвей нижекурпских Карежевых. Значительно разрослась их фамилия в четвертом поколении, при правнуках: Уэсхъэдэ, Цу, Бердыкъуэ, Мухъэжиде, Такъэ, Къаншуэсе, Шамиле, Малэ ЛатІэ, Адамэ, Шамэулэ, Шакъу, ХъэтІау, Увжыкъуэ, ПІутІэ и многих других.

Один из потомков Бекалдиева Хамата был назван князем Атажукиным из Кишпека за свой громадный рост и широкие плечи Таовым. Когда Атажукин его

увидел, то произнес от удивления: «Ты напомнишь мне гору».

Старики часто вспоминают легенду об Иналуко Джаппуеве, пытавшимся вытащить из проруби провалившегося пятилетнего быка и сломавшем ему рога, или о Мацн Темукуеве из Мукуша, ударом кулака оглушавшего быка.

В песне чегемцев о Горде, сыне Курман-Али, прославляется мощь и ловкость горца, способного догнать тура и привести его в село живым.

Много легенд сохранилось о Ишиншеве (Пщыншэ) Увжуко из Нижнего Курпа (Къаншыусей), например, он мог вытащить застрявшую груженную дровами телегу, с которой не справлялись запряженные в нее быки. Рассказывают, что он был не единственным в селе силачом. На его глазах вырос Ягурбий Гетигежев, мальчиком взятый на воспитание силачом Халидом Апшевым из соседнего ингушского села. Однажды, чтобы выяснить, кто все же сильнее, они затеяли силовую борьбу, и Ягурбий оказался победителем.

В 30-х годах ходили легенды о Шамгуне Кармокове, Однажды возвращался он в село на арбе, загруженной пшеном и запряженной двумя волами. Так как волы отказывались идти на верх склона, ему пришлось распрячь их и тащить арбу самому, с чем он успешно справился.

Горская народная педагогика формировала подрастающее поколение на основе выработки поведенческого чутья, всяческого внимания к определяющим, как своих моральных оценок, так и общественного мнения. Комплексное и глубокое понимание «кодекса чести», представляло по словам старожиллов Кабарды и Балкарии, как пять пальцев на руке человека, пять основных качеств: благородство, ум щедрость, смелость и стремление к счастью. Эти качества, считалось, человек получает генетически и в результате кропотливого, правильного воспитания, начиная с первых дней его рождения.

Невоспитанного человека считали обделенным неотъемлемым человеческим качеством — совестью: «Адеби жокъну намысы жокъ» — «У невоспитанного нет совести». При этом народный опыт не исключал, что отрицательные примеры в жизни закономерны и тоже могут воспитывать: «Адебни адебсизден юйрен» —

«Воспитанности учись у невоспитанного». Насколько высоко ценилась воспитанность, можно судить по вековому народному мнению о том, что внешняя человеческая красота и материальное благосостояние не идут ни в какое сравнение с внутренней культурой: «Ариу-лукъну адеб озар» — «Выше красоты воспитанность».

Не случайно горцы в своей вековой мудрости зафиксировали тот факт, что неумеющих воспитывать жизнь наказывала. Как просчет в воспитании можно понимать (хотя это и не единственный смысл), горскую легенду «Сердце матери». Содержание ее таково: молодой человек, давно присмотревший себе девушку, отправил к ней сватов и почти получил положительный ответ, но с одним лишь условием, о котором он узнает перед свадьбой. Условие состояло в том, что жених должен был принести сердце своей матери. И он решается на убийство самого близкого человека... Держа на ладонях сердце, он помчался к невесте, но по пути споткнулся и выронил его. Лежащее перед ним сердце оживило образ матери, и вдруг он услышал: «Ты не ушибся, сынок?» Легенда эта встречается в устном народном творчестве и других народов, что свидетельствует о единстве у них принципов нравственности, совести, чести.

И естественно, что кабардинцы и балкарцы как зеницу ока из поколения в поколение передавали свои традиции и этикетные нормы, были крайне чувствительны к мнению о себе односельчан, ценили свое положение в обществе и авторитет. Каждый горец стремился вести соответствующий общественной морали образ жизни, быть примером в знании обычаев, поведении, умении сказать слово, встретить и проводить гостя. Больше всего он боялся оказаться недостойным своих предков и чтобы из-за него упрекали его детей и потомков. Поэтому молитвы, как правило, завершались словами: «Ди лАхэм напэ хужькIэ яIупльэжын тхэм дишI» — «Дай бог нам уйти к своим предкам с чистой совестью!»

И сегодня, в наше сложное время, в различных сферах жизни — политической, экономической и семейно-бытовой — мы пытаемся сохранить гуманные традиции. Хотя некоторых членов общества стала захлестывать не свойственная нашим предкам и старшему поколению «рваческая» идеология и слепое поклонение религии, что не приемлет истинная вера и конкретно Ислам.

Соблюдение правил поведения строилось на чувстве

такта, рассудительности, сдержанности, умения себя контролировать. Балкарцы говорят: «Сабыр тьюбу сары алтын» — «Спокойствие, сдержанность — червонное золото», — «Сабырлыгынгга ташха байла» — «Привяжи свое спокойствие к камню для еще большего спокойствия». Манера держать себя определяла внутреннюю культуру человека и отношение к нему окружающих. В кругу кабардинцев и балкарцев вряд ли можно услышать возвеличивание кем-то своих личных качеств и заслуг, подчеркивание своего превосходства над сельчанами, навязывание личного мнения другим и т. д. Если горец доказывал что-то, то методом убеждения, хвалил кого-либо из односельчан — то без лести, критиковал — то без унижения чувств и достоинств критикуемого.

Горцы всегда критически относились к непропорциональному стремлению кого-либо выделиться, к бахвальству и многословию. По словам Донгая Геккиева, 1988 г. р., сел. Бедык, его дедушке пришлось сидеть за одним столом с Исмаилом Урусбиевым, когда в доме князя принимали одного состоятельного чиновника, работавшего в Нальчике. Как и положено хозяину, Исмаил спокойно выслушивал бахвальства гостя, делал вид, что не замечает его вызывающего поведения и только после длинного и бессмысленного тоста последнего уже не выдержал и прошептал соседу: «Олтуруп кёрмей эди да — ёрге туруп кёрмед. Аны сёзю чапыракъдан ётмейди», — «Сидя не видел, стоя хотел увидеть. Его слова ничего не стоят», тем самым дав понять о несостоятельности гостя.

Высокоочтимыми нравственными качествами кабардинцев испокон веков считались человеческое достоинство, отзывчивость и умение их, независимо от социального положения, обстоятельств и разного рода других причин сохранить. Примером этого типичного качества горцев может служить фамилия Шхашемишевых. Прадеда Хатали Калгериевича, 1903 г. р., из Старого Уруха (до революции это село называлось Хьэтуей по имени Хату Анзорова) Тхахушина пригласил вместе с еще несколькими уважаемыми сельчанами местный князь поддержать застолье при приеме своего друга — знатного гостя. Когда прием заканчивался, гость, как тамада, приподнес чашу с махсыма стоявшему рядом Тхахушине, который, отпив напиток, вернул чашу гостю. Гостя при этом удивило то, что Тхахушина, возвращая ему,

знатному человеку, чашу, не сделал легкого поклона.

Невыполнение в обществе принятых установлений, не говоря уже о социальной их подопеке, могло создать плохую репутацию горцу: «ХабзэмышцІэ емыкІухьщ» — «Не выполняющий законов — позорится» или «ХабзэмышцІэ — щІыкьуейщ» — «Не выполняющий законов — мелочь», т. е. никчемный человек. Делом чести считалось умение достойно выполнять все предписания этикетных правил, начиная от возрастной и половой субординации и кончая тонкостями речевого общения. Не подумавший о своей чести оскорблял достоинство и других. К примеру, отсутствие в застольном этикете каких-либо атрибутов могло вызвать замечание гостей типа «Іэнэм и нэр нэфщ» — «стол лишен глаз».

На вопрос объяснить свое поведение, Тхакушина ответил, что он, как и остальные присутствующие, с искренностью выполнил долг гостеприимства, готов исполнить любое желание гостя и что махсыму из рук гостя он выпил как мужчина равный мужчине — гостю. Понравились князю прямота, человеческая гордость и порядочность Тхакушины и, глядя на красивого гостя, он подумал: «И паІэр быдэу щхэрыгыщ» — «Его шапка твердо сидит на голове». Затем князь обратился к присутствующим: «Прошу всех, кто верит в Аллаха, называть Тхакушину с сегодняшнего дня «Щхьэщ зымышцІ». С тех пор он и стал «непоклонившимся», «некланяющимся». Но при переписи фамилию записали Шхашемшевы.

Высокая нравственность горских народов определялась их милосердием, добротой и отзывчивостью. Адыги понимали добро в смысле благожелательного взаимоотношения людей и соблюдения этикетных норм: «ФІы пщІэмэ, фІы бгьуэтыжынщ, Іей пщІэмэ, фІым ущымыгугь» — «Сделаешь добро — и сам получишь добро, а сделаешь зло — добра не жди». При этом определяющим в сложной гамме качеств считали милосердие. О человеке, лишенном милосердия, говорили, что он «лишен своего стержня». Милосердие включалось в понятие этикета, характеризующегося как совокупность правил поведения, и в понимании адыга и балкарца стояло гораздо выше, восходя к морали, нравственности, определяющим критериям жизнедеятельности человека. Горец чувствовал себя неловко, если чем-либо не мог помочь человеку, обратившемуся к нему, ответить на вопрос, боялся показаться равнодушным или

черством: «Соргъаннга жууаб эт, билмей эсенг, ахшы сѣз айтыб кет» — «Спросившему — ответь, если не можешь, уходя скажи доброе слово».

Если италийцы, европейцы и скандинавы в античной литературе, письменных руководствах и сагах отразили лишь первые описания правил поведения, то адыги и балкарцы в своих сводах правил поведения «адыгэ хабзэ» и «тау адет» уделили внимание милосердию и доброте. Об этом свидетельствуют и многие фамильные наименования.

Если порой трудно восстановить причину появления конкретного эпонима как фамильного имени, то на эту мысль могут навести реальные случаи из жизни. Нечто подобное произошло с Харзиновыми («хъарзынэ» — «хорошо», «нормально») и Кубаловыми из Залукокоаже. Рассказывают, что одному из молодых людей Харзиновых понравилась дочь Кубаловых, он ее похитил и затем послал родственников к ее родителям за благословением. Когда Харзиновы встретились с Кубаловыми, то сразу же заявили: «Хъарзынэхэщ зышар» — «Ваша дочь стала невесткой Харзиновых». Те же это поняли, как «Ваша дочь стала невесткой хороших людей», на что спокойно и сдержанно ответили: «Хъарзынэмэ, хъарзынэхэщ» — «Раз хороших, так это хорошо». И лишь потом разъяснилось это совпадение.

Герговы (Джырыджэ) из Кундетово I (Чегем I) помнят семь поколений своих предков. Родоначальник их ветви — Ибрагим. Основатель фамилии Герговых в целом был отзывчивым человеком, всегда откликающимся на просьбы нуждающихся. Его доброе сердце, участие в делах и проблемах односельчан заслуженно дали ему имя Джырыджэ. Старейшина фамилии Герговых Хамирза, живущий ныне в Кубе, ссылаясь на рассказы деда, говорит, что еще при Идрисе Гергове начались переселения отдельных семей его фамилии в Вольный Аул, Кызбурун II, Кубу.

Фамилия Герговых еще имеет и ответвления с измененными фамильными именами, например, Хафизовы (Хъэфиз). Хафизовы, по свидетельству Хамирзы Гергова, получили свое фамильное имя от одного из Герговых, ужившегося с односельчанами и переехавшего в Аргудан. Сам он, естественно, скрыл свою фамилию, но называть их стали Хафизовыми потому, что преклонного возраста слепой отец этого Гергова прославился среди аргуданцев своей добротой и мудростью. Так

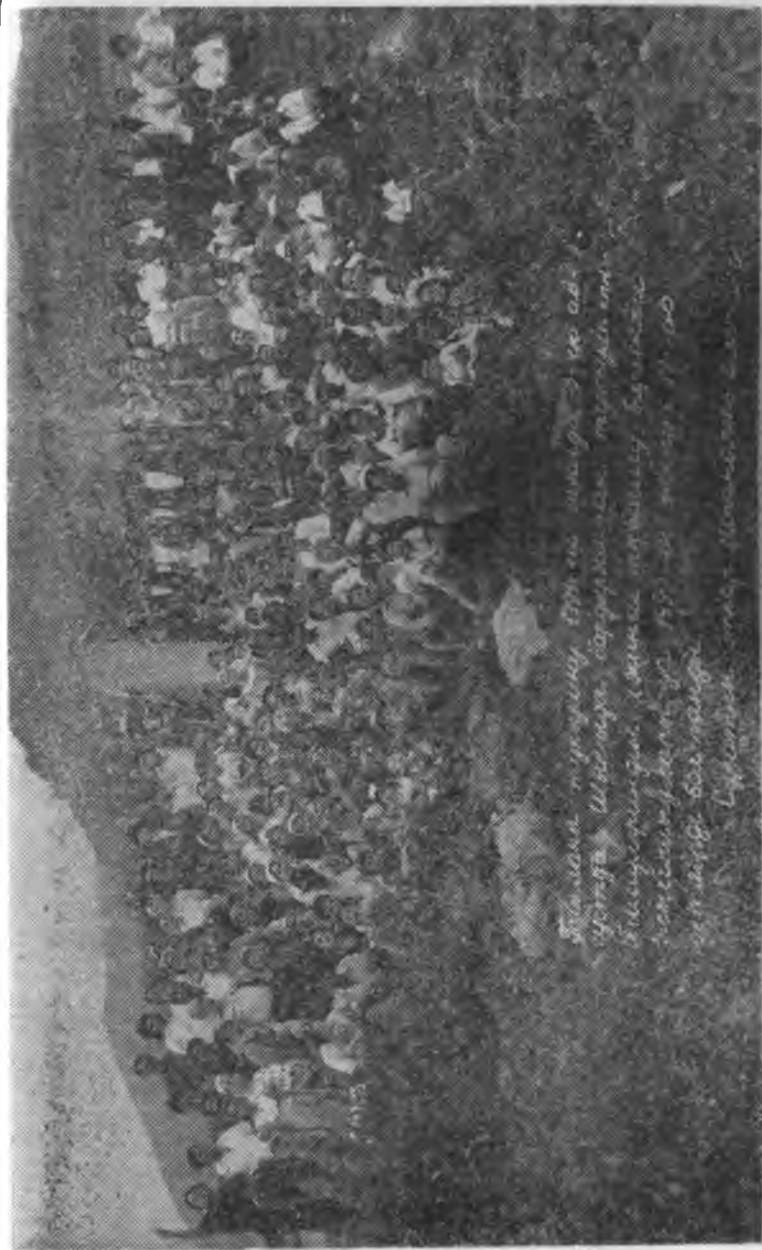
данное колено Герговых стало Хафизовыми: «Хьэфиз» — «слепой мудрец». Как известно, мудрость всегда высоко ценилась у любых народов.

В фамильных именах находили отражение прозвища людей, связанные с растительным миром, временами года, поклонением космосу. Люди преклонялись перед небом, как творением вселенной, неизвестностью и его могуществом. Фамилии Байдаевы (эта луна), Беккаевы (крепкая луна), Айшаевы (лунообразный), Аппаевы (белая луна), Шаутаевы (черная луна) несут в себе культ луны. Типично в этом отношении фамильное предание Жолаевых, родоначальником которых был Жолай из Актопрака (Чегемское ущелье). Дословный перевод имени — «Жол» — «дорога» и «ай» — «луна». Человек этот жил у дороги, со стороны напоминающей лунную дорогу и лестницу в небо, она как бы соединяла землю и небо.

С луной («мазэ», «ай») кабардинцы и балкарцы связывали свои надежды на лучшую жизнь, счастье, успех и процветание. В новолуние устраивали жертвоприношения и молились, прося, чтобы наступающий месяц был удачлив для семьи, родственников, членов фамилии. Убеждает в этом отношении фамильное предание Агоевых (Іэгуей) из Исламея, согласно которому членов этой фамилии до сих пор нередко называют по имени родоначальника Жансоха Жансоховыми, настолько это был авторитетный в обществе старик. Его мудрость, спокойствие, обладание дипломатическими качествами снискали ему известность, как опытнейшего третейского судьи далеко за пределами Баксана. Предание гласит: не раз ему приходилось улаживать, казалось бы, неразрешимые конфликты.

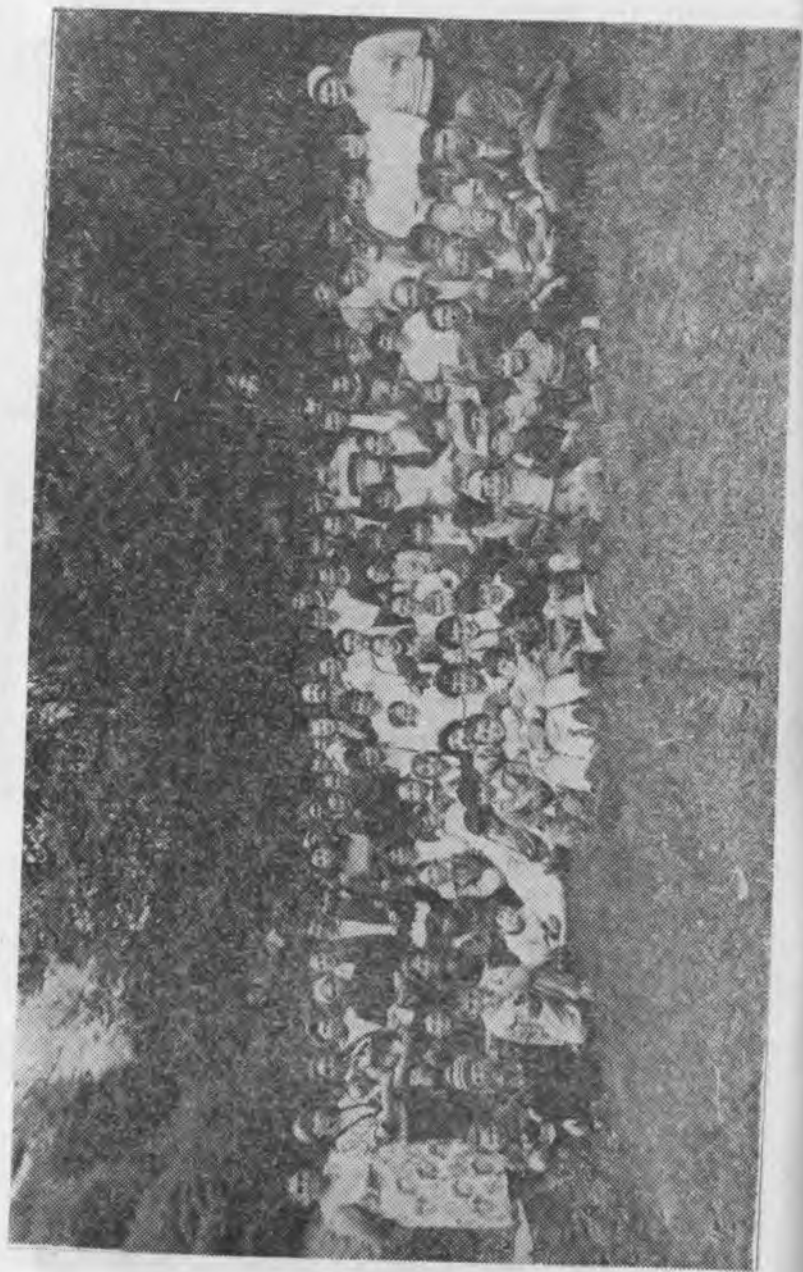
ЭТНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ, ТОПОНИМИКА И ФАМИЛИИ

В основу многих кабардинских и балкарских фамилий легли этническая принадлежность и географические названия местностей. У кабардинцев, скажем, Балкаровы, Шапсуговы, Абазовы, Абазеховы, Бжедуговы Камергоевы, Чеченовы Герговы, Соновы, Урусовы (фамилии получены по этническому происхождению). У балкарцев — Темукуевы, Чеченовы, Кумуковы, Черкесовы, Кабардуковы, Дюгерлиевы. Среди фамилии Кушховых, весьма распространенной, много неродственников.

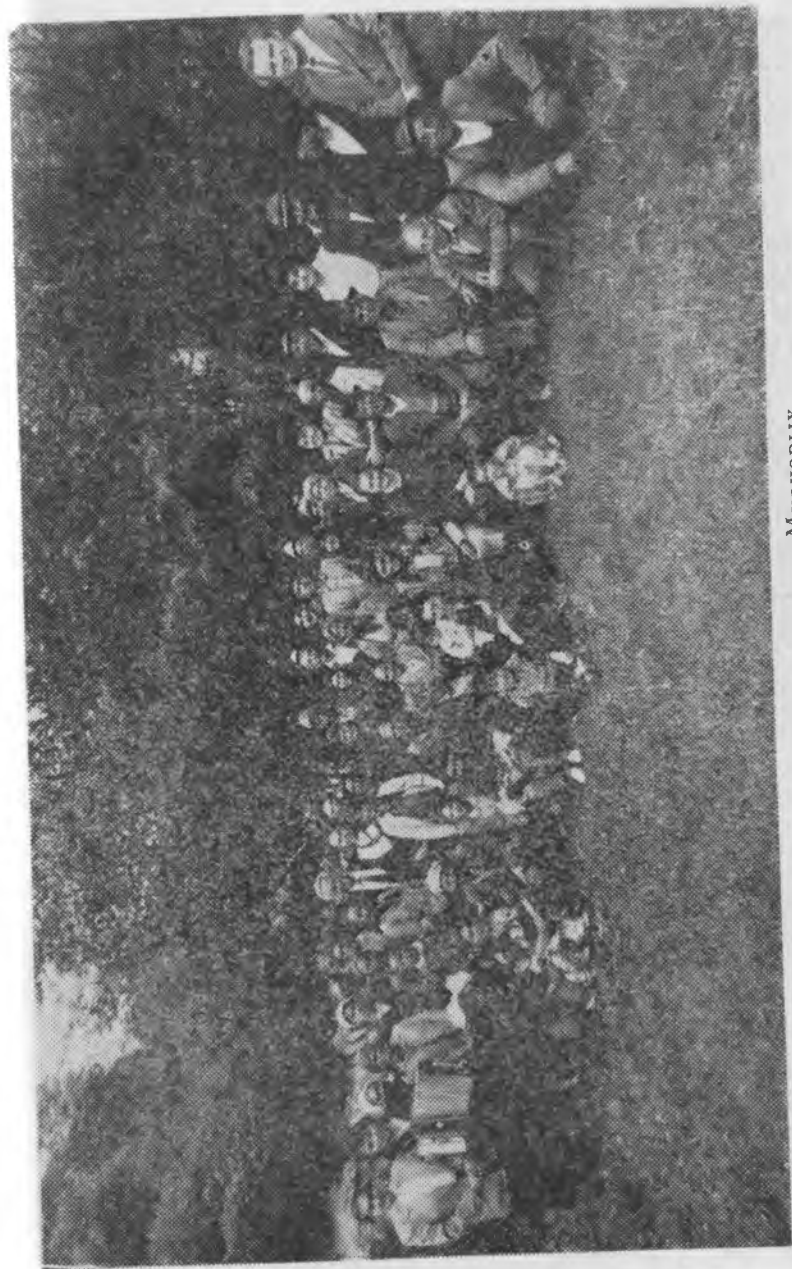

Всего участников 170 человек
Улица Школьная, д. 10, г. Москва
1938 г.

Фамильный сход Гаевых

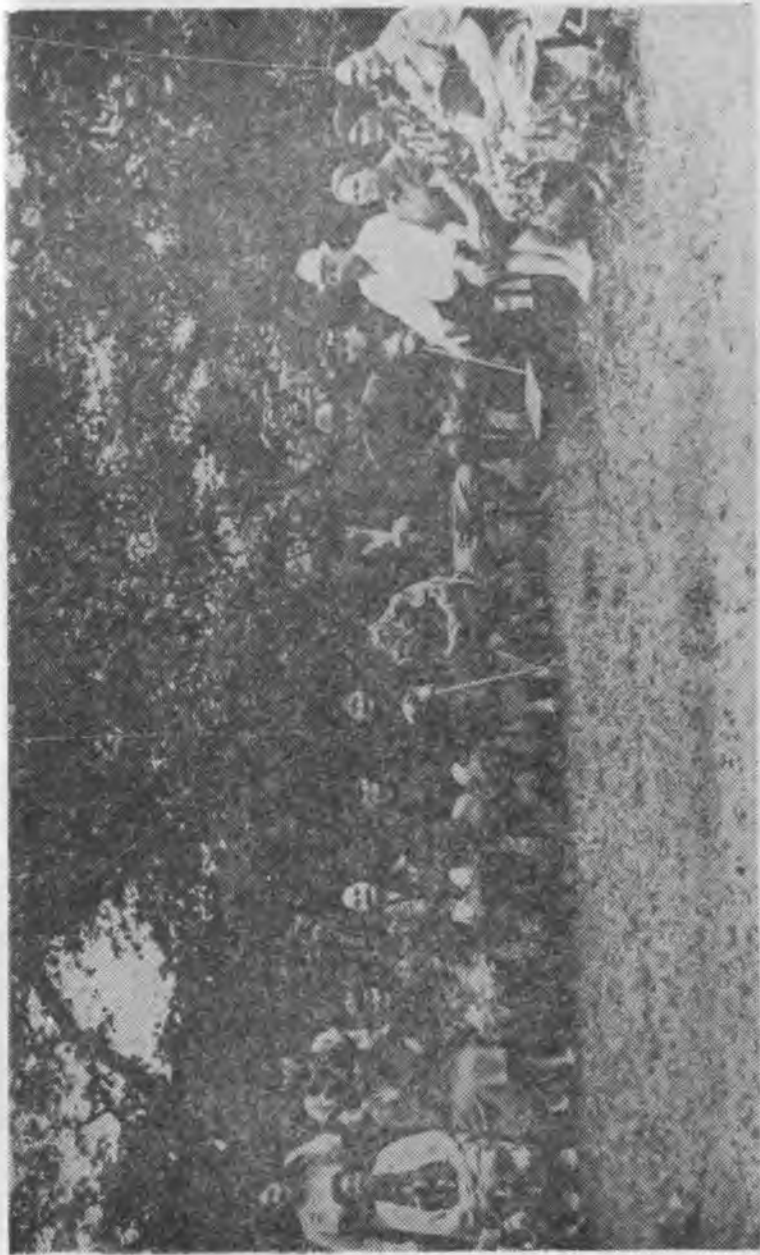
Фамильный сход Мизневых

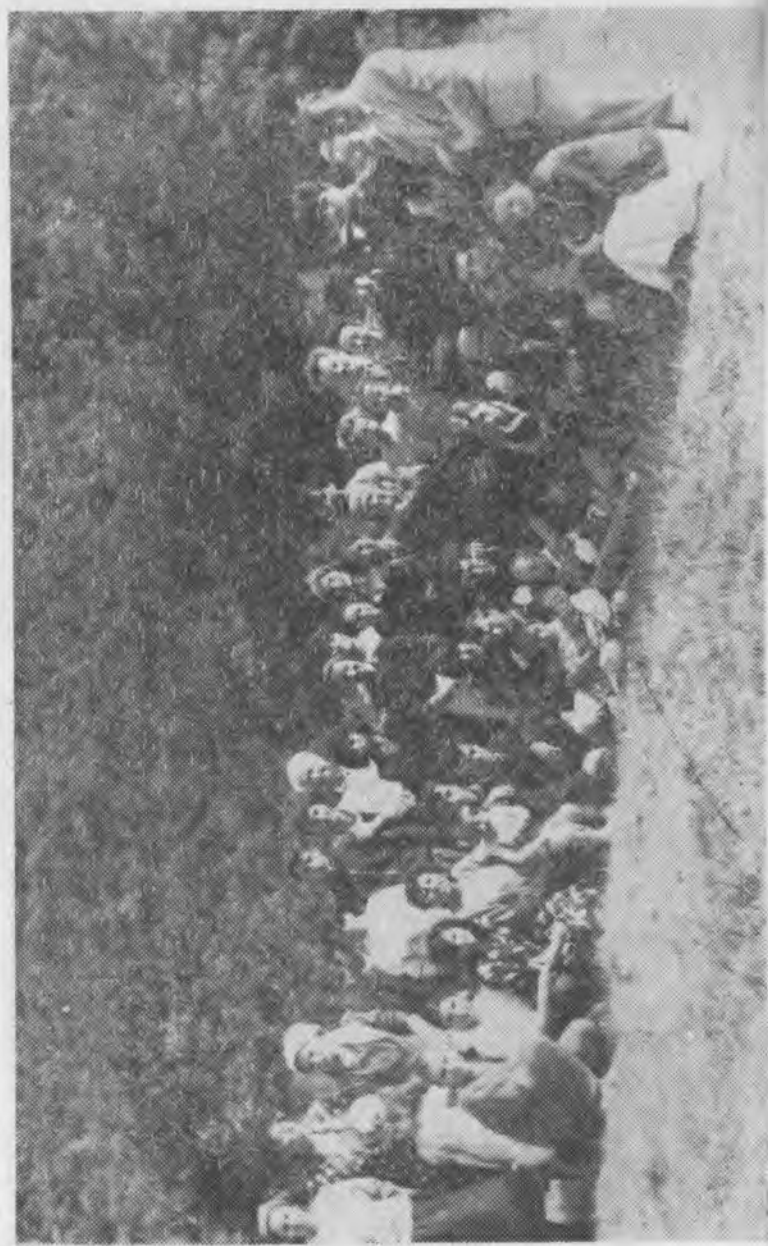
Фамильных сход Мизиевых

Фамильный сход Жеруковых

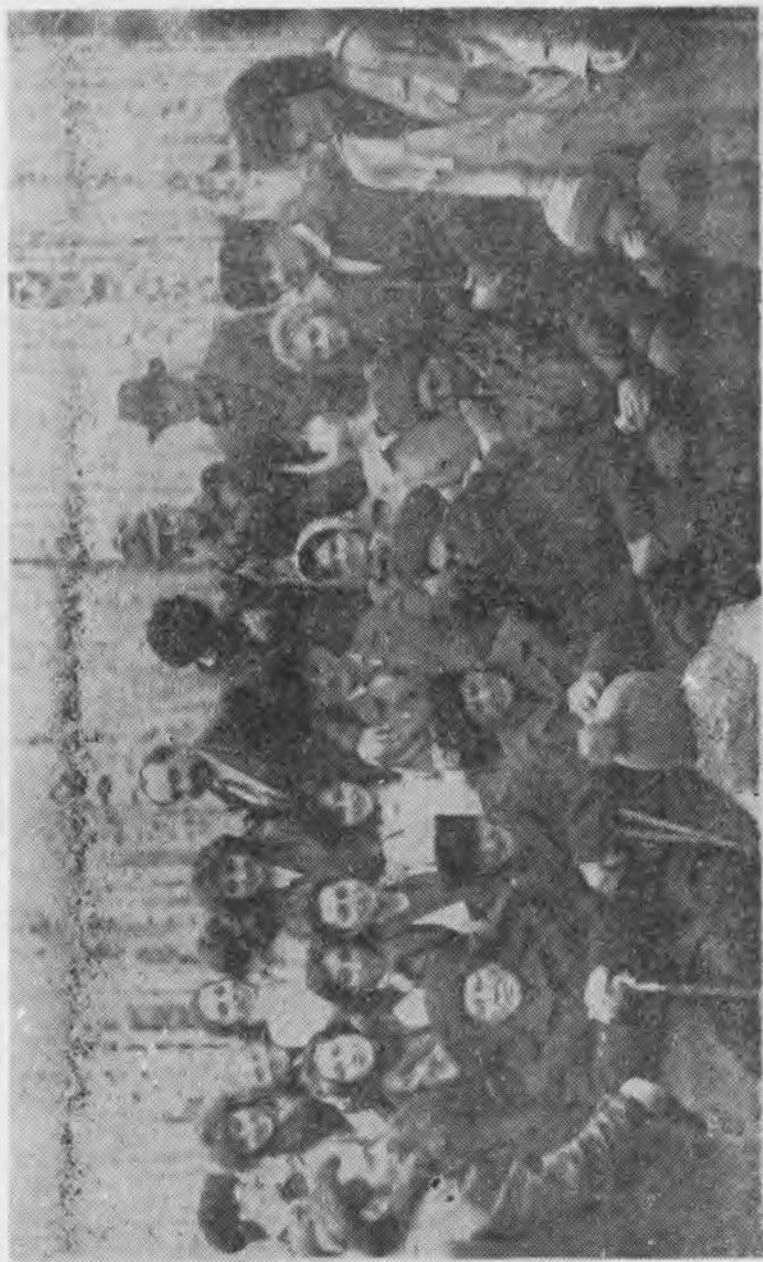
Старшие члены фамилии Жеруковых

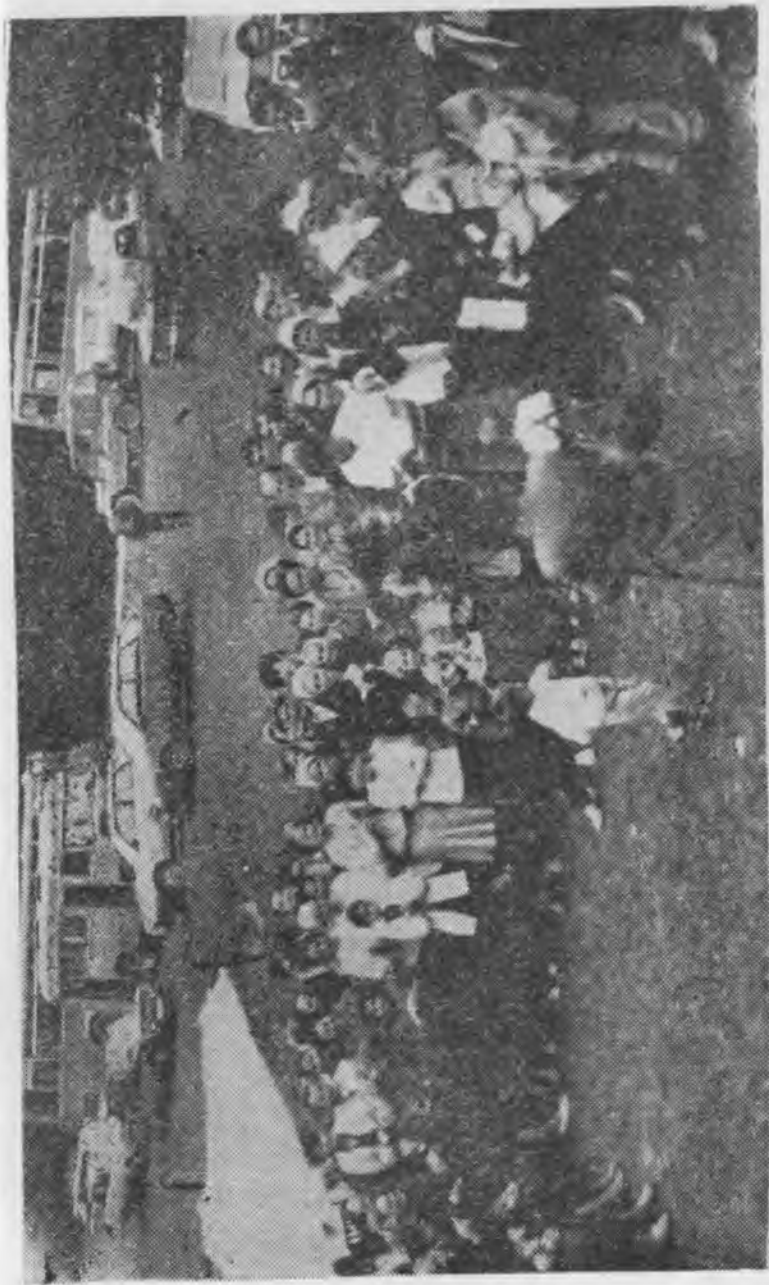
Часть представителей семейного схода Боттаемик

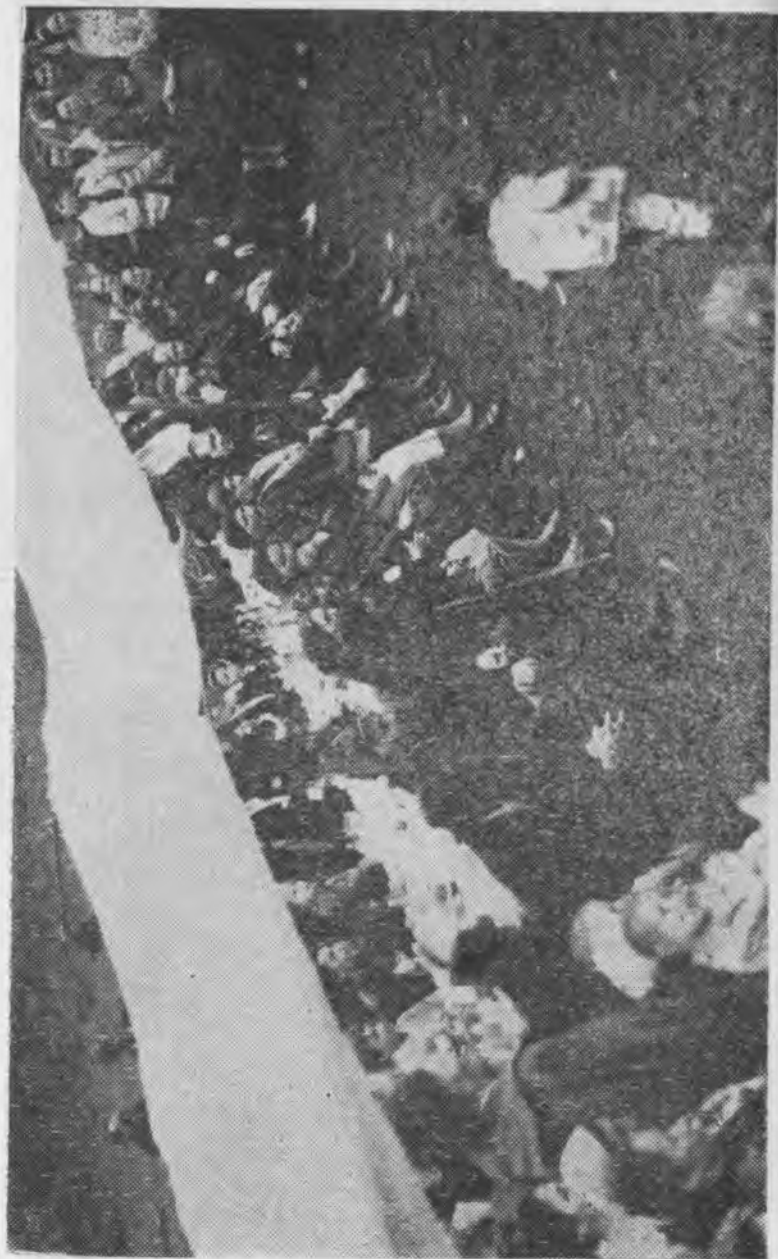
Фамильный сход Темосовых

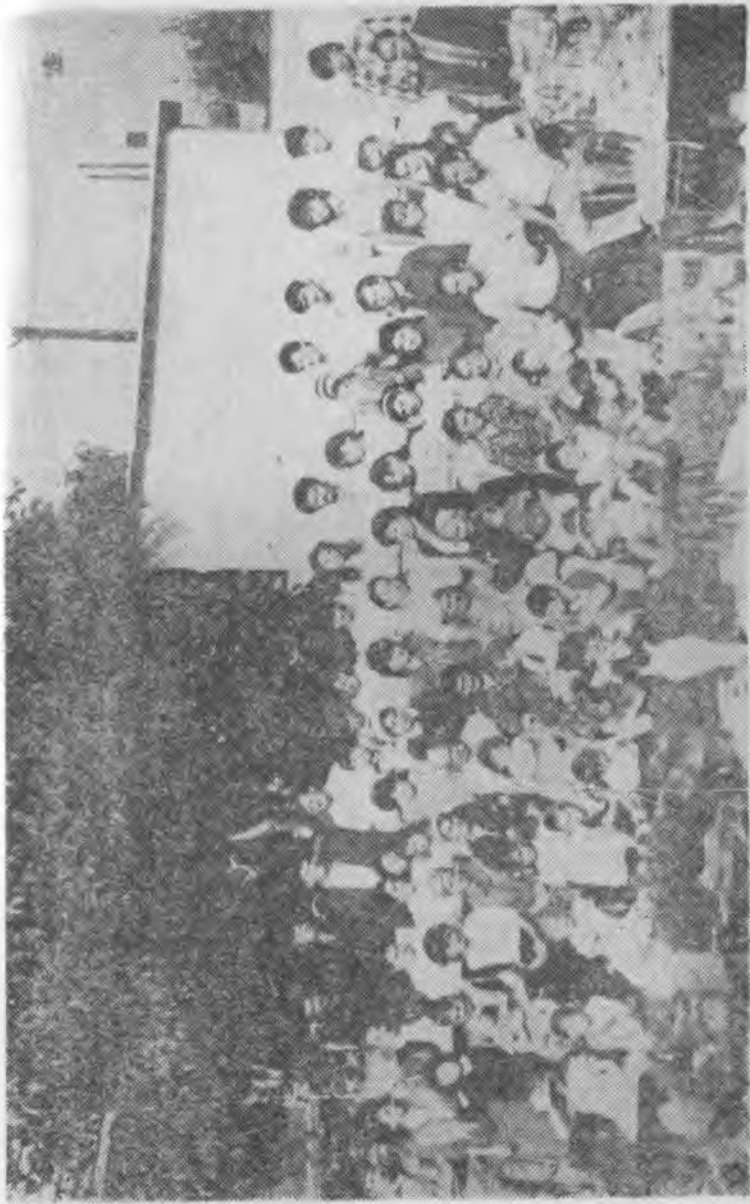
Фамильный сход Текуевых

Фамильный сход Шавяевых

Фамильный сход Шавасвых

Фамильный сход Архестов

Старожилы на месте схода Верхней Балкарни

Тамги отдельных кабардинских и балкарских фамилий

Малкаровых из Муккулана
Занхотовых из В. Чегема
Габоевых из В. Чегема
Малкаровых из Н. Чегема
Гергоковых из Хулама
Жигуновых из Аргудана
Какиевых из Аргудана
Машуковых из Аргудана
Халишховых из Аргудана
Дзугуровых из Псыгансу
Ерижоковых из Баксаненка
Курашиновых из Кызбуруна I
Шормановых из Н. Курпа
Ахловых из Н. Курпа
Аксоровых из Н. Курпа
Кареевых из Н. Курпа
Шевхужевых из Ново-Осетиньовского СОР
Кошевых из Кошево
Архестовых из Кызбуруна I
Эльжироковых из Старого Черек
Думановых из Каменомостского
Дышековых из Кубы-Таба
Загаштовых из Кубы-Таба
Емкужевых из Кубы-Таба
Бабугоевых из Чегема I
Шибзуховых из Кызбуруна I
Темботовых из Кызбуруна I
Жиляевых из Заюково
Кармоковых из Заюково
Каранашевых из Заюково
Шугушевых из Заюково
Шогеновых из Заюково
Сижажевых из Заюково
Князевых из Шалушки

𠂇

𠂇

𠂇

3

𠂇

𠂇

𠂇

𠂇

𠂇

𠂇

𠂇

𠂇

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

Нами были опрошены представители Кушховых почти всех сел Кабардино-Балкарнии. В результате оказалось, что корни каждой патронимии Кушховых восходили к различным карачаевским, осетинским и балкарским патронимиям и «фамилиям». Шестнадцать семей шалушкинских Кушховых и доньше помнят о своем родоначальнике Юсуфе Ациканове, жившем в Верхнем Кюниюме. В горах сохранились остатки разрушенного дома семьи Юсуфа, как и всего села. Ацикановы жили между кварталами Токаевых, Бекановых и Забаковых недалеко от сельской мечети. Если проследить генеалогическую линию по прямой от Юсуфа к сегодняшнему дню, то она будет выглядеть следующим образом: Юсуф — Нухъ — Исмел — Амербий — Кушбий.

Кушховы из Псыгансу помнят только, что основателя их фамилии звали Астемиром и был он по происхождению осетин. Кушхов Нух Казиевич (1900 г. р., с. Залукокоаже) рассказывает, что его дед Огурлу, фамилия которого до него не дошла, был родом из Карачая, а в Залукокоаже его называли Кушховым. Кушхов Таля (1909 г. р., с. Сармаково) говорит: «Мой прадед Салих Докшулары — из Хурзука в Карачае, в Сармаково приехал, чтобы учиться в медресе. Здесь и остался. Поскольку он был карачаевцем, его называли Кушховым. В Сармаково у него родились три сына — Эльбездоко, Якуб, Шахбан, Внуки его — Мазан, Аюб (мой отец), Зубер Мудар, Хапаго, Амин и Шафиг». Карачаевские по происхождению патронимии Кушховых в Малке, Камлюко, Псынодаха, Заюково; балкарские — в Вольном ауле, Кенже, Шалушке, Баксане, Залукокоаже и других селах; осетинские — в Верхнем Лескене, Ерокко, Лескене Втором, Нижнем Череке и в других населенных пунктах Урванского и Терского районов.

И все же в Заюково мы столкнулись с исключением из правила. Оказалось, что один из родов атажукинских Кушховых возник только потому, что его основатель жил в карачаевском селе Хасаут. В свое время некий Мухамед, мастер-оружейник, отменный кузнец был приглашен в село из Кабарды. Как мастер на все руки, он беспроblemно обеспечивал все нужды хасаутовцев. Но так случилось, что в его кузне однажды произошла ссора между заказчиками, кончившаяся убийством. Медиаторский суд назначил выплату кровной мести пострадавшей семье, изгнал семью убийцы из села и выселил Мухамеда сроком на три года. Слу-

хи о судьбе оружейника и кузнеца из Хасаута дошли до князя Атажукина, который уже будучи раньше наслышан о мастерстве Мухамеда, пригласил его в свое село, построил кузницу, оружейную мастерскую, закупил необходимый инвентарь, создал ему все необходимые условия и даже женил. А поскольку мастер приехал из карачаевского села, его стали звать Къущхъэ Мухъэмэд.

Этническая принадлежность и географические названия становились фамильными именами и многих других родов. Абазов Исмел Тытуевич, 1895 г. р., из с. Мисостово (Урвань) рассказал, что его предок Елбахъоти в пятом колене был абазинцем и поселился в Кызбуруне III. Судьба ветви нашего информатора сложилась следующим образом. После смерти старшего сына Елбахъосита Нахъуэ на его вдове с тремя детьми женится Тхакахов Умар и увозит семью в Мисостово (Урвань). Пока дети: Исмел, Хъэазиз и Мухъэмэт — были маленькими — носили фамилию Тхакаховых, но став совершеннолетними, вернули фамилию отца: Абазова.

Абазинцами по происхождению считают себя лафишевские (Псыхурей) Абазовы. Первым среди них пять поколений назад в Лафишево появился Хажисмел. Но его имя не стало фамильным. За потомками закрепилась фамилия по этнической принадлежности: Абазоквы (Абэзокъуэ), переводящаяся, как «Абазэ+къуэ», т. е. абазинский сын. Потомки Хажисмела: Хажмурат и Хажпаго, — пустили соответственно корни в Баксане и Малке. В Псыхурее на сегодняшний день проживает 12 семей, старшей семьей которых является семья Индрса.

Кахунские Абазовы, согласно теории языковой трансформации, должны сегодня называться Абазеховыми. Семидесятивосьмилетний Сарабий Кербачевич Абазов рассказывает, что их предки жили на территории Шапсугии и носили фамилию Шхалахуовых, которые славились умением строить небольшие, добротные мельницы. В начале XIX века царские войска хитростью и вероломством (с помощью одного из кабардинских феодалов Шипшева и жителя этого села Кешева Даута) разорили богатое шапсугское село. После победы Шипшев забрал с собой несколько молодых людей — одаренных ремесленников, среди которых был и Умар Шхалахуов. Вначале они прибыли в Кошероково (Кенже), а затем обосновались на территории нынешнего

села Кахун. Шипшев называл Умара абазехом, что и оформилось позже в фамилию «Абазов».

Родоначальник Кумыковых (Къумыкъу) из Кундетово (Чегем II) Шоукал еще в XVIII веке жил в Дагестане. Примерно, в начале XIX века его сын Аслан по неизвестным причинам оказался в Кабарде в Кундетово. Его двое внуков: Гери и Мурзабек (сыновья Ислама) женятся соответственно на девушках из фамилий Кануковых и Кармовых, дочери Гуашагаг и Дахаос выходят замуж за представителей родов Бицаевых и Кануковых. Так Гери и Мурзабек дают начало двум ветвям чегемских Кумыковых. На сегодняшний день старший фамилии — Туган.

Есть семейное предание Кумыковых из Герменчика. Арик Кучаев, кумык по национальности, произошел из кубачинских ремесленников, которые жили в городе Дербенте и занимались изготовлением кинжалов, украшали оружие и женские пояса и нагрудники чеканкой. Арик, будучи еще молодым человеком, должен был покинуть родные места во избежание кровной мести. Переехал он в Нальчик, к жившим здесь кубачинским ремесленникам. Фамилию он взял по своей национальности — Кумыков. Впоследствии он женился на Хужбаго Барагуновой из Кашероково. У них родились сын Али и дочь Хадыга. Примерно в 1916 году Али поселился в сел. Шалушка, затем в 1926 году было переселение на нижнюю равнину, которая позже стала называться сел. Герменчик.

В Герменчик Али переехал уже женатым на Муслимат Оршакдуговой, у него родились две дочери и сын Мухамед, который умер в 1946 г. Мухамед имел шесть сыновей — Хажисуф, Хажисмель, Хажмурат, Хажбетал, Хажмуса, Сараби. Хажисуф умер в младенчестве, потомки остальных пяти сыновей живут в Герменчике.

Начало балкарским Кумуковым было положено пришельцем из Дагестана после Русско-Кавказской войны. Его потомки, живущие в Нижнем Чегеме, Былыме и Гунделене из отдаленных своих предков помнят только имя Хамзата.

Этническая принадлежность могла и не влиять на семейное имя. Эльдаровы из Тамбиево I (Кызбурун) знают, что их родоначальник Исафиал из Дагестана и по происхождению кумык. Ветви Эльдаровых распространены в Кызбурунах II и III.

Бжедуги, как одно из двадцати адыгских племен до

русско-кавказской войны занимали десятки крупных и малых населенных пунктов (Бжьэдыгъу къуажэ) и возглавляли их князья. На территории нынешнего Краснодарского края они владели значительными земельными угодьями, имели четко очерченные границы, управлялись советом старейшин, в случае необходимости собирали народное ополчение. Колонизаторская политика царской России привела к сокращению территории и населения этого племени, исчезновению многих сел и поселков, заставила отдельные семьи мигрировать на земли соседних племен адыгов, в Кабарду и за пределы Кавказа. Большое количество бжедугских семей нашли приют в с. Аргудан. Одному из таких Бжедуговых не пришлось по вкусу Аргудан, не смог он осесть и в Матэкъалэ (Солдатское) и в конце концов судьбой его оказалось Иналхъэблэ (Карагач). Так случилось, что Иналхъэблэ разделилось на два села: Карагач и Псыншоко — и поэтому Бжедуговых можно найти в обоих селах. Потомки Бжедуговых Иналхъэблэ дали ответвление своей фамилии в Къуэдэнэтей (Чегем I). Все они признают главой рода Али и считают себя единокровными.

Фамильное имя могло указывать на этническую принадлежность, хотя члены этой фамилии к ней не имели никакого отношения. В частности, есть Нагоевы, вышедшие из адыгейского с. Жыцу и ныне живущие в Алтуде (Тамбиево II), Баксане и Нальчике, которые происходят от Цеева Нагея. Усман Нагоев рассказывает, что Цеев Нагей перед смертью попросил поменять фамильное имя на Нагей. В настоящее время в Алтуде проживает около 40 семей Нагоевых. И все же основная нагрузка эпонима «Нэгъуей» связана с предком ногайского происхождения. Фамильное предание лечинкаевских Нагоевых повествует о Нэгъусей, который жил десять поколений назад. Судя по преданию, он из ногайских степей попал в Шансугию, а затем уже в Кабарду. Предки сохранили имя сына Нагъуея Батыра и внука Исмея, который примерно в конце 17 века оказался в Тохтамышеве. Батыра, сына Нагъуея, называли Нагъуей Батыр, исходя и из этнического его происхождения и антропологических данных. Он был похож на отца и имел раскосые глаза. Генеалогическое дерево этой фамилии после Исмея представлено его сыном Умаром, двумя внуками — Салихом и Тлостанбеком, правнуками — Темирканом, Жирандукой, Гисой, Муха-

жиром и Хачимом. В Лечинкае проживает 19 семей Нагоевых. Старейшиной фамилии считается Назир.

Часто фамильное имя не указывало на принадлежность к тому или иному народу, но фамильное предание сохранило этот факт. Так клишбневские Кегбиевы (Чэтбий) родом из Сванетии. Старшие члены фамилии помнят только семь поколений своих предков и наиболее отдаленного Калашбия (Къэлэшбий). По прямой линии их генеалогическое дерево после Калашбия продолжают Сэоркаль, Хьэсен, Сэлих, Нахъуэ. Хьуд и Хьэлым. Потомки Калашбия расселились в Кубе, Чегеме, Карагаче и Сармакове.

К фамилиям, в которых читаются традиционные географические названия, гидронимы и фамильные имена владельцев отдельных сел, относятся Муртазовы, Черекковы, Чегемовы, Чегембаевы, Моздоговы, Тарчокковы, Лескеновы и т. д. Баксановы из Кызбуруна III помнят шесть поколений своей фамилии. Самые отдаленные предки Султанбек, Пшибий и Асланбек, потомки трех ветвей которых сегодня и живут в селе. Более многочисленны ветви Султанбека (у него было шесть сыновей: Хазиз, Гузер, Малиль, Туту, Таши и Ба) и Асланбека (сыновья: Тамаша, Мусса, Мат и Танил). Старейшина рода Тали, ссылаясь на воспоминания своего дедушки, говорит, что фамилию их предки получили потому, что жили у самого берега р. Баксан. Но в каком поколении это было, он затрудняется ответить. Лечинкаевские Баксановы возводят себя к прозвищу найденного одним из Таковых (Такъ) на берегу Баксана трехлетнего мальчика.

Братья Мисост и Хажумар родом из Адыгеи и жили они у речки «Жигун». Откуда у них фамилия? В конце XVIII века они стали жителями с. Аргудан. Это произошло 8—9 поколений назад. Продолжателями рода Жигуновых были сын Хажумара Хатахшуко и сыновья Мисоста Нахо и Муса. Фамилия разрастается в четвертом поколении при детях Мухамета Нахо и Эльбахсита. Во второй половине XIX века Жигуновы расселяются в Старый Черек и Зарагнж.

Семейства Жигуновых были состоятельными, особенно среди них выделялся Жерех: около 100 десятин земли, табун в несколько сот голов лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Даруко Жигунов считался одним из известных предпринимателей Кабарды.

Али Гуэбэшы, будучи родом из дагестанского сел.

Кубачи, оказавшись в Жанхотово (Псыгансу), положил начало фамилии Губашниевых. В Жанхотово его привело отходничество, и поскольку Али в совершенстве владел оружейным делом и вообще был мастером на все руки, жанхотовцы попросили навсегда обосноваться в их селе. Сначала Али, а затем и его сыновья изготовляли кинжалы, серебряные пояса, медночеканные изделия, водоносные сосуды. У сельчан и сегодня остались их изделия, из которых виден почерк кубачинского направления ремесла, проявлявшийся в специфическом растительном и геометрическом орнаменте. Потомки Губашниевых больше стали заниматься коневодством, и в конце XIX века это были известные в Кабарде владельцы отборных табунов лошадей.

Фамильное имя сармаковских Бирмамитовых происходит от названия, расположенной в верховьях Малки в районе пастбищ горы «Бурмамыт» или как ее часто называют — «Бурмабут» — «заросшее растительное подножье». Дословный перевод «Бурма» — «заросший, лохматый», «бут» — «конечность».

Герменчикские Мезовы (Мэз) предполагают, что фамильное имя их рода связано с тем, что они жили у леса. Об отношении к лесу предков Мазоковых из Боташево (Плановское) и Кучмазоковых из Атажуккино II (Кызбурун II) свидетельствуют и имена основателей их фамилий Мэзыкьюэ и Кушмэзокьюэ.

«Хушокьюэ» — местность, изобилующая просом, находится в Нижнем Курпе. Здесь много лет назад жила семья, потомки которой стали Хушоковыми.

В Сармаково одно из возвышенных мест «Къалэжь» — «старое поселение, старый поселок» послужило названием одноименной фамилии «Калажоковы». Родоначальника Ныровых звали Баноко (Банэкьюэ — сын колючки). Жил он то ли в Шапсугии, то ли в Бжедугских землях и родом был из абазинцев. Но имя Баноко не стало фамилией и его потомков стали называть Ныровыми, что с абазинского переводится, как живущие за рекой. Внуки Баноко Бажа переселился в Георгиевск, а его потомки расселились в Каменно-мостском, Н. Куркужине, Залукодесе.

Примеров, когда названия местностей становились фамильными именами, немало известно и у других народов Северного Кавказа. Информатор Оздоев Магомед Баадиевич, 1911 г. р., из Назрани, рассказал, что фамильное имя Цикима, Гия, Чиндака и Маго Салак-

хоевых из Чечено-Ингушетии произошло от названия села Сяльги. Потомки Салакхоевых дали фамилии Оздоевым, Тумгоевым, Чинхоевым, Салгхоевым. Причем, для чеченских и ингушских фамилий типично их образование из одного корня. В частности, в горном ауле Горхор от некоего Горака пошли Горакоевы, Амерхановы и Келиговы. В наши дни Келиговы и Амерхановы живут в Хурикау (Кискем), Сагопши, Насыр-Корте, Малгобеке.

ПРОФЕССИИ В АНТРОПОНИМАХ

Развитость профессий, ремесел, прикладного искусства, промыслов и специфики материального быта кабардинцев и балкарцев не могли не отразиться на фамильных наименованиях их создателей. Прежде всего на них сказались занятия горцев: скотоводство и земледелие. В Кабарде и Балкарии можно встретить Шибзуховых, (табунщиков), Шинаховых, Шхаковых (пастухов телят), Жемуховых (пастухов коров), Койчуевых и Туарчиевых (скотников), Сабанчиевых (пахарей), Биценчиевых и Макоевых (косарей), и т. д. В Тамбиево I (Кызбурун III) шесть поколений назад жил прославленный в Кабарде табунщик Хъуруц. Опыт коневодства приобрели и его сыновья Алий, Цыклуэ, Тош и Наго, что закрепило за ними потомственно фамильное имя Шибзуовы (Шыбзыхъуэ) — табунщики. Это же но четыре поколения от нас, произошло с табунщиком Гула (Гъулэ) из Бабуково (Сармаково). Однако надо заметить, что фамилия Шибзуховых говорит не только о роде занятий людей, но и о принадлежности им земельных владений. В районе Лечинкая есть пастбище Шибзуховых — «Шыбзыхъуэхэ я уэтэрыпIэ». От местности, где разводили крупный рогатый скот и где люди занимались скотоводством, произошли фамилии Белимовых (Былым) и Билимиховых (Былымихъ).

Предки карагачских (Иналово) Аришевых (Уэрып) были опытными табунщиками. Им доверяли большие табуны лошадей и односельчане называли их «Уэр» — «много», «шы» — «лошадь», то есть многолошадные. Из самых первых основателей фамилии в предании Аришевых сохранилось только имя Батреза, который батрачил у князя. Из двух сыновей Батреза: Гида и Тима, последний переехал в Сармаково. Сыновья Гида Аришева: Батоко, Кушха, Мухаметали, Темиркан и Цу,—

дали жизнь соответствующим ветвям этой фамилии.

Особый интерес вызывает сочетание фамилий атажукинских Жемуховых и Дышековых. Эти фамилии родственны, и их представители даже в наши дни не вступают в брачные отношения. По фамильному преданию Мухамед Жемухов, живя в адыгейском селе Ло, совершил убийство и по этой причине вместе с братом покинул Адыгею. Осев в Атажукино I, он, по опыту своих предков, продолжил занятия животноводством и, кроме того, еще и пас коров — «жэмышъуэ» — пастух».

Его брат имел определенные профессиональные навыки в работе с серебром и золотом. Свое мастерство он быстро усовершенствовал и потекли к нему рекой заказчики, называя мастера и его детей — «ДышэкI» — Дышековыми.

Генеалогическая линия Жемуховых, если вести счет от сегодняшних дней по прямой линии, выглядит так: Мурат — Даут — Гиса — Жамырзэ — Лъостэн — Мухъэмэт — Али — Мухъэмэтджэрий — ГчапцIэ — Джырандыкъу. Шестеро сыновей Мухъэмэта дали шесть ответвлений генеалогического дерева уже заюковских Шибзуховых. Среди этой фамилии известно много долгожителей. Так старший сын Жамырзэ Тамэ прожил 91 год Гиса — 90 лет, Шапсадин — 84 года, а одна из дочерей Гуапшаго — 83 лет.

Старейшина фамилии Абубекир — общепризнанный глава более 70 семей атажукинских Шибзуховых, живущих в Заюково, Кызбуруне III, Нарткале, Кахуне, Залукодесе.

Первопоселенцы Терскола (пос. Кочкаровский) во главе с Аталыком Кочкаровым из Учкулана специализировались на пастьбе только баранов. Основу фамилии Тоховых (Тэхъу), с. Герменчик, положил чабан, пасший оскопленных баранов — валухов.

Издrevле славились кабардинцы и балкарцы производством изделий из дерева, начиная с предметов домашнего обихода (деревянные треножные столики, шкафы, кровати, посуда), кончая средствами передвижения (арба, брички), и сельскохозяйственного инвентаря (плуги, лопаты, грабли). Но более всего ценились плотники Атажукино I и Чегемского ущелья, изготовлявшие свои знаменитые телеги и двухколесные арбы без железных частей. Шерховы (Шерхъ) из Атажукино I своей фамилией обязаны предку Шокару (Шокъарэ), жившему восемь поколений назад и сумевшему в

своем селе организовать артель по производству телег. «Шерхъ» переводится как «колесо». Но если вести отсчет от Шокара, то можно насчитать еще шесть поколений этой фамилии: Дэрыкъуэ — Якъуб — Сэфар — Хэцу — Мэзан — Мыгъуэт. Один из детей правнука Сафара выделился в родственную фамилию Бирсовых. Каждый из представителей этих двух фамилий знает, что они выводятся из одного корня и поэтому не рождаются и подчиняются старшему Шерховых и Бирсовых Каральбию Маремовичу, 1894 г. р.

Они принадлежали к зажиточным слоям Кабарды «тлькютлям» — свободным общинникам, и по благосостоянию уступали в селе только Ойтовым (Ует).

Каральби Маремовича признают не только родственники, но и односельчане. Он один из первых учителей села, знаток истории, традиций и обычаев адыгов, прекрасно знает Коран и может свободно толковать многие его положения. Во время больших семейных торжеств односельчане рады видеть его во главе стола, тамадой праздника.

В Урвани (Мысостей) живут Устовы, прапрадед которых Исмель прекрасно был знаком с производством черепицы, с тонкостями мастерства изготовления которой знакомил не только урванцев, но и жителей других сел Кабарды, Осетии и Ингушетии. Распространившаяся известность о нем, как о мастере, учителе дала ему прозвище «Устаз».

В памяти нартановцев (Клишбиево) остался золотых дел мастер Машука, которого называли «ДыщэкI» — «державший в руках золото». Он изготавливал кольца, серьги, застежки, обработанные золотом женские пояса и головные уборы. Мотивы узоров его изделий, строящиеся на специфическом и традиционном адыгском арнаменте, и качество работы не уступали, а часто и превосходили кубачинские и аварские.

В роду Нижне-Кожоковских (Нижнечерекских) Гоплачевых (ГъуэплъащIэ) были мастера по изготовлению изделий из меди и бронзы. Профессионального уровня развития достигли у горцев домашние промыслы: производство и обработка шерсти, суконных тканей, выделка овечьих бурок. Для их прикладного искусства характерны бассонные работы и изготовление узорных войлоков и ворсовых ковров.

Бурки, чаще изготавливаемые из шерсти черных овец, отличались качеством, прочностью и легкостью в ноше-

нии, и пользовались спросом не только у народов Северного Кавказа, но и Закавказья. Они не раз отмечались на художественных выставках России второй половины XIX века.

Прикладное искусство кабардинцев и балкарцев, если рассматривать его в совокупности, несмотря на простоту в решениях исполнения и в цветочных соотношениях, отличалось разнообразием фантазии, монументальностью, пластичностью и, естественно, нашло проявление в профессиональном искусстве современной Кабардино-Балкарии.

С изготовлением бурок, вероятно и был связан родоначальник Шаковых из Нижне-Кожоково (Н. Черек) — Шаклуэ, живший восемь поколений назад. Хотя в этом же селе на правом берегу Черека жили Шаковы (Шакъ) не родственники первым и Шаковы (Шаклуэ — охотник) не родственники первым и вторым.

Тяжело сложилась судьба некоего Пшыбия, не нашедшего общего языка со своим владельцем. Пшыбия из Иналово еще называли каном ашабовских (малкинских) Таовых (Тау) — Таоканом. Но, поселившись в Лафишево, он меняет свое имя и начинает заниматься седельным ремеслом. В Лафишево Уначевы владели большим земельным участком «Пари-Пых». С этих пор его сыновья становятся Уначевы (УэнашIэ) — седельщики. Из трех сыновей Пшыбия, средний — Темиржан уехал из Лафишево и ныне его потомки живут в Старом Лескене, младший пустил корни в Малой Кабарде — Верхнем Курпе.

Как известно, северокавказские мастера славились, начиная с XVII века, производством огнестрельного оружия, которое считалось не просто обязательным дополнением к традиционному горскому костюму, а почиталось на уровне культа, воодушевляло его и восхищало окружающих, являлось его вторым лицом.

Одним из таких мастеров был Индрис, родоначальник фамилии Фокичевых из Арика. Изготавливаемые им ружья во время Русско-Кавказской войны прославили его далеко за пределами Кабарды. Прозвище «ФочышIэ» (отсюда и фамилия Фокичевых из Арика стало профессиональным паспортом Индриса), любой горец, независимо от социального положения, считал за честь носить оружие, изготовленное мастером Индрисом.

От профессии мастера по изготовлению воинского снаряжения образовалось и фамильное имя Афауновых

из Абзнуан Хаблэ (Верхний Куркужин). «Афэ» — означает материал для воинских доспехов, «унэ» — дом. Это следует понимать как то, что родоначальник этой фамилии Шомахо был мастером по производству воинского снаряжения и занимался этим ремеслом у себя на дому. Мухамед Афаунов, 1901 г. р. из Верхнего Куркужина привел имена потомков Шомахо по прямой линии: Шомахо — Ерижиб — Махмуд — Мухамед — Му-са.

Наиболее почетной и распространенной в общинах Кабарды и Балкарии считалась профессия кузнеца. В нартском эпосе «Лъэпщ» считался покровителем железа, великим кузнецом. Адыгские кузнецы достигали высокого мастерства в кузнечном производстве, предназначавшегося для обеспечения потребностей населения в разнообразных предметах этого вида ремесла. Специалистов в этой области с почтением называли «мастер», считали гордостью общины, слагали песни и даже легенды. Об этом говорят фамилии Тлепшевых, Кишевых, Гучевых, Гукепшевых, Гукежевых, Гукашаовых, Тлепшоковых, Гучапшевых.

Тлепшевы из Кызбуруна III знают, что их родоначальник был большим профессионалом в своем деле, настолько знаменитым, что о нем слагали песни и легенды.

Но помнят из наиболее отдаленных предков только Хьэсина, который также занимался кузнечным ремеслом.

Кундетовские Кишевы (КЫщ — кузня) — весьма многочисленная фамилия. Их в Кабарде насчитывается несколько сот семей. Основатель этого рода был прославленным кузнецом. В Чегеме II мы восстановили одну из ветвей Кишевых — Мела Кишева, который, кстати был хорошим знатоком кузнечного дела.

Родоначальника фамилии Гукепшоковых («ГьукIэп-щокъуз» — «сын мастера кузни») из Герменчика назвали так потому, что его отец был высоко профессиональных специалистом кузнечного дела.

Пять поколений назад в Атажукино II жил кузнец ГьукIэ, основатель Гучевых. Его потомки по прямой линии: Ильяс — Алисахь — Дыщэ — Хьэжмурат. Ремесла ГьукIэ потомки не переняли, в основном они занимались земледелием.

Отдаленный предок Музакира Асланмурзаевича, 1910 г. р. (Боташево — Плановское) владел богатой

кузницей, оснащенной всем необходимым оборудованием: «Быкыш» — «богатая кузница».

Некоторые представители фамилий, начинающихся со слова «Гучэ...», не причисляют себя к родоначальникам, так или иначе связанным с ремеслом кузнеца. Так, Гучапшевы из Кызбуруна III (Тамбиево) считают, что их фамилия происходит от некоего Мухамеда, которого звали «ГъушЭпцэ» — «железные руки». Он обладал недюжинной силой и легко гнул железные предметы. Его сыновья в свое время покинули родовые земли у берегов Черного моря в связи с колонизаторскими действиями царского правительства против адыгов.

Немало было в Кабарде и Балкарии знаменитых кузнецов, которые носили свои фамилии. В Касаево (Баксаненок) особым мастерством славились Суф Альботов, Хасана Абазов, Суф Гутов. В одной из семей Альботовых нам приходилось видеть профессионально выполненный, способный украсить любую выставку, железный сундук работы Суфа Альботова. Целую плеяду мастеров кузнечного дела, изготовлявших плуги, бороны, серпы, тавровые знаки, инструменты для выделки шкур, дало Атажукино I. Среди них — Салих Жемухов, Исхак Шаов, Хасчет Хацуков, Бекмурза Шерхов.

Во всей Черкесской общине был популярен и пользовался заслуженным уважением кузнец Магомет Таумурзаев из Мукуша. Изделия сельскохозяйственного инвентаря Таумурзаева, оружие, пояса, украшенные костью, имели свою фамильную метку. Кузнецы Чегемского ущелья Као Жарашуев и Жюнюс Гемуев славились изготовлением металлических частей сельскохозяйственных орудий, щипцов, светцов для лучин, лопаток для углей, клемм для таврения скота; Ышканы, Тура-Хабла, Шыкы и Хулама — кос, серпов, топоров, ножей, ножниц для стрижки овец, чесалок шерсти, кованных больших вилок для доставания из котлов мяса, очажных цепей; Верхнего Баксана и Гюрхожана — холодного и огнестрельного оружия, металлических принадлежностей к седлам и средствам передвижения — арбам и бричкам.

Кузнецы славились не только своим мастерством, их считали способными оказать противодействие злым духам и обладающими магической силой. Одним из последних таких мастеров, принесших славу своему народу, был Шахбан Бирсов из Заюково, проживший 105 лет и умерший в 80-х годах. Легенды повествуют, что

кузнецов наряду со священнослужителями и знахарями часто приглашали в качестве почетных гостей на свадьбы, чтобы они противодействовали злым духам и чарам завистливых людей в их неблагоприятных реакциях на счастье молодых.

А. Гедгафов со слов Х. Гедгафова записал следующую историю образования фамилии Шугушевых из Атажукино I (Заяуково) (Кабардино-Балкарская правда, 1991, 26 июня, № 121. С. 4.). В начале XIX века в один из декабрьских дней из Атажукино I было снаряжено 18 телег, груженных медом, воском, бурками, серебрянными кинжалами, поясами, браслетами и другими изделиями из серебра для закупки соли в Кизляре, Астрахани и соседних с ними городами. Путь был сложный, обоз надолго задерживался, и в селе уже стали волноваться. И только молодая жена одного из уехавших вела себя спокойно, в связи с чем вызывала раздражение и недовольство односельчан. На их упреки она ответила, что они не соблюдают этикета и тем самым компрометируют своих близких, отправившихся в далекий путь. Ее образный ответ по словам Х. Гедгафова звучал следующим образом:

— Мой муж с женщиной
не столуется,
У моего мужа волю с
коровами не кормятся.
Его чувяки из телячьей
грудичной кожи
сама выкронла.
Его дорожная пища
Не плесневеет,
калорийна,
Его бурка и башлык
росам недоступны,
Если хоть один мужчина
вернется, ей-богу, это
мой муж возвратится».

И действительно благополучно с солью вернулся только муж этой молодой женщины, почему и стали называть его потомков Шугушевыми.

Много поколений тому назад в Къайсын-Анзорово (Старый Лескен) занимался торговлей молодой человек из Грузии. Сначала его приезды с товарами были периодическими, но однажды, полюбив местную девушку, он остался в селе навсегда. Кроме торговли, его любимым занятием было виноградарство и производст-

во вина, за которым к нему чаще приезжали покупатели из Осетии. В селе его называли Шагъыр, что означает «вино». Его потомки: Шагиры постепенно отпочковывались, поселяясь во II Лескене, Аргудане, Баксане и других селах Кабарды. К однокорневой основе старолескенских Шагириных относится фамильное имя Шагирибиевых из Клишбиево (Нартан), но оно несет иной смысл и не относится к профессии. «Шагъыр» — вино, «бий» — враг, то есть — враг вина. Но Хазиз Тармаханович Шагирибиев считает: это не означало, что их родоначальник был вообще врагом спиртного и трезвенником, вполне вероятно, что он употреблял махсыму. Нартановские Шагирибиевы основателем своей ветви фамилии считают Исмаила, жившего шесть поколений назад. Кызбурунские Шагирибиевы рассказывают, что их предок Таиб жил примерно в те же годы, что и Исмаил. По их воспоминаниям, после смерти отца Таиб вместе с матерью, которая вышла замуж за жителя Атажукино, переехал с ней в это село. Старший фамилии — Музарин живет в Кызбуруне I. Он смог также привести свою ветвь генеалогического дерева Шагирибиевых.

Близкой к вышеприведенным фамилиям можно считать и Алчагириных (Алшагъыр). Фамильное предание возводит их к Малой Кабарде, откуда они переселились в Былым. Но после конфликта во время охоты во владениях местного князя Бекмурза Алчагиринов переехал в Клишбиево (Нартан), где сейчас, по свидетельству информаторов, проживает четыре семьи Алчагириных.

Среди промыслов кабардинцев и балкарцев не последнее место занимали охота и рыболовство. Охотиться предпочитали на туров, оленей, медведей, куниц, шкуры которых использовали для изготовления одежды, обуви, чехлов, различных кожаных изделий. Об охотнике из Кенже повествует фамильное предание Бляниховых. В те времена, когда князь Кашироков подчинил себе богатые фамилии Шипшевых, Тхашугоевых и других односельчан, расширил свои владения в районе Кенже и создал одноименное поселение, в этих местах появился молодой человек. Не назвав своего имени, он сказал только, что ему пришлось в связи с чрезвычайными обстоятельствами покинуть Абхазию и что он хотел бы наняться на работу к князю. Закон гостеприимства не позволил и князю подробно расспрашивать пришельца о его прошлом. Молодой человек показал

себя в работе, оказался добрым и отзывчивым и скоро стал известным в округе как опытный и удачливый охотник. Не раз приносил с охоты подстреленных оленей и делился охотничьими трофеями с князем и односельчанами. Со временем его и стали называть Бляниховым от прозвища «Бляна».

В середине XIX века (40—50-е годы) темиргоевские Бленаовы (Блэнауэ) жили в однофамильном поселке Бленао Хабля на Лабе. Информаторы переводят свое фамильное имя как «охотник на оленей» — «бланэ» — олень, «еуэ» — бей. Из четырех братьев: Гаджи, Сохста, Идриса и Умата — двое последних в середине века перебрались в Мисостово (Урвань). В дальнейшем Умат окончательным местом жительства избрал с. Шыпшхьэблэ (Кахун). Дочь Идриса, Темирканова Хабух, прожившая долгую жизнь, рассказала нашему информатору — Сараби Худовичу — что по распоряжению старшего брата Гаджи в Урвань приезжал Сохста с целью уговорить братьев вернуться в родные края.

Фамильное предание Бленаовых гласит о том, что Идрис и Умат встречались с Шамилем, приехавшим в с. Марзох для привлечения на свою сторону кабардинцев. Здесь же братья вместе с другими односельчанами и с Шамилем совершили намаз. До революции семья отца нашего информатора Сараби Худовича была средней крестьянской семьей: она пользовалась 8 гектарами земельного надела и владела 25—30 головами крупного рогатого скота и 5-ю лошадьми.

В настоящее время возглавляет род Бленаовых 84-летний Хацуц из Кахуна. Хацуц — неперемный тамада всех мероприятий, проводимых Бленаовыми. Не было такого, рассказывает Сараби Худович, чтобы гость, приехавший по какому-либо вопросу к Бленаовым, не посетил старшего фамилии. Вся семья Бленаовых поддерживает тесные родственные связи, они принимают активное участие в разного рода событиях, происходящих в их роду: свадьбы, похороны, проводы юношей в армию и т. п.

Прозвище «Балкъ-къыз» — «процеживающий сетью воду» получил бежавший на р. Малка родоначальник фамилии Балкизовых.

Герменчикские Балкизовы считают, что их предок носил фамильное имя Пщэцул (Пщацулов), а Балкизовыми они стали с середины XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со времен усиления патриархальной роли мужчин в обществе, стремления к восполнению потомства и наследования собственности происходит закрепление кровно-родственной связи в сохранении памяти единства своего происхождения, общего эпонима. Отсчет родства по поколениям мужской линии знаменует начало истории фамилий. Исторически менялись и наименования антропонимов: от родовых и личных имен, прозвищ, наименований по месту рождения, роду занятий, социального положения к фамильным наименованиям и, наконец, современным фамилиям. Важное связующее звено в этой структурной системе: фамильные наименования,— прочно утверждаются в связи с необходимостью отличать людей с одними и теми же именами, но из разных семейно-родственных и соседских объединений. К ним начинают добавлять имя или прозвище отца и родоначальника всей родственной группы. Каждый человек, естественно, приобретал, кроме личного имени и отчества, указывающего на то, чей он сын или дочь, еще имя эпонима, идущего от родоначальника. Появление общественной организации «фамилии», как группы родственных семей, лишенной локальности, но поддерживающей в различной степени родство, относится к периоду средневековья. Образование ее было связано с увеличением количества населения, распадом семейных общин, расширением круга родственных семей и выделением их из локального поселения и вообще изменением социально-экономической жизни на Северном Кавказе. Однако до нас дошли большей частью гораздо поздние наименования этих фамилий. Система наименования закрепилась с окончательным утверждением социального статуса членов общества.

Поэтому, знакомясь с архивными документами, составленными чиновниками царской администрации, приходится удивляться их наивности, считавших отсутствие у народов Северного Кавказа фамилий до их присоединения к России.

Неопровержимым доказательством древности адыгских и карачаево-балкарских фамилий является и по сей день ревностное отношение наших народов к генеалогиям и историям своих фамилий. Редко кто еще совсем недавно из мужчин (это считалось недопустимым в глазах общественного мнения) не знал семь и более

поколений своих предков и фамильное предание. Наши предшественники считали их основой могущества, знатности и древности происхождения.

Отдельные фамилии (чаще всего из господствующих классов) возводили корни своих генеалогий к предкам из Аравии, Персии, Крыма. Порой такие легенды «притягивались» что называется к указанным корням, но были и действительно восходящие к ним, например, Кажаровы, Мисроковы, Крымукеры и другие. Восемь поколений назад аргуданцы назвали пришельца из Персии по его этнической принадлежности Кажаром. Его брат обосновался в Анзорово (Ст. Лескен). Судя по генеалогическому дереву сыном аргуданского Кажара являлся Хусин, внуком — Хасан. Известно, что Хасан женился на дочери Унатлоковых, и четверо его сыновей: Маждид, Нашхо, Туган и Хазрит основали четыре ветви этой фамилии.

Якуб Мисроков («Мысрокъуэ» — «сын Египта») восемь поколений назад переехал в Аргудан из Черкессии и здесь поведал местным жителям, что «родина его отцов — древняя страна пирамид».

По информации Крымукеры Гуашакан Караловны, 1895 г. р., сел. Залукокоаже, родоначальник их фамилии — выходец из Крыма, почему его и называли «Кърым», а сына — «Кърым и къуэ» — «сын Крыма». В начале нашего века Крымукеры оказались в с. Кармово, а затем их потомки расселились в Залукокоаже, Заюково, Лечинкай.

Бывало, что основателями фамилий считали каких-нибудь исторических личностей, а цари и правители — даже богов, или как, например, грузинские цари, по генеалогии, составленной Вахтангом Леоновичем Багратионом, свое начало вели от Адама и Евы. Интересно, что и сегодня нет-нет, да поступают сообщения из западных стран о продаже с молотка аристократических титулов знати и стремлении получить документальные права на старинные родословные многих желающих из состоятельных фамилий.

Конечно, многое из духовной культуры наших народов со сменой исторических эпох потеряло свои генетические корни и содержание и напоминает неразгаданные археологические памятники. Причины этого, прежде всего, объективные и кроются в утрате определяющей роли в духовной культуре кабардинцев и балкарцев знаковой системы языка. Было время, когда язык

древних людей ограничивался словарным запасом и способствовал утверждению действий и терминологии, соответствующих тому или иному случаю жизни. Но познавательная деятельность человека и его естественное совершенствование с веками умаляли роль символически-знаковых действий и их обозначений, охладили к ним интерес людей, оставив память о них в непонятных нам именах, фамилиях, словах, обрядах. Этим объясняется и то, что столетние старики кабардинских и балкарских сел часто не могут объяснить, что по смыслу означает их фамильное имя и многие топонимические названия вокруг их сел. Так никто сегодня не может сказать, почему древняя феодальная фамилия Кошевых означает «брат» — «къош». Родовые земли Кошевых, судя по документам Центрального Государственного военно-исторического архива, находились в Георгиевском уезде Ставрополя. В этом же документе упоминаются имена узденей Бекмурзы и Алхаса Кошевых. По сообщению Кошева Карабига, 1983 г. р., г. Нальчик, во второй половине XIX века на месте объединения поселков Сидакъей, Къощхьэблэ и Иналхьэблэ образовалось село Кошево, которое впоследствии стало Иналовым и Карагачом. В XIX в. Кошеевы жили в с. Боноково, расположенном рядом с нынешними с. Ходзи и с. Улян на р. Лаба. В наше время в Турции проживает около 40 семей Кошевых, потомков Мурзабека и Бекмурзы (информатор Кошева Аслангаш, 1985 г. р., с. Уляп).

Многовековая история фамилий, взращивание генеалогий, рождение легенд и преданий об их происхождении — все это формировалось на фоне социально-экономической жизни не одного поколения людей. И если сегодня что-либо неизвестно исторической науке, что-то потеряно в толще веков, его надо искать в генеалогических преданиях и легендах, историях образования фамилий, их наименованиях.

К сожалению, вне поля зрения ученых оставались и вопросы происхождения и истории кабардинских и балкарских фамилий, почти отсутствуют материалы в Государственных архивах, а главное — вместе со старшим поколением исчезает и память об этом.

Изучение истории фамилий может помочь ученым разобраться в широком круге исторических, этнографических, лингвистических проблем, глубже понять историю наших народов.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

- Абазов И. Т., 1895 г. р., с. Урвань
Абдуллаева М. К., 1881 г. р., с. Жанхотеко
Акбулатов К. Ж., 1892 г. р., с. Яникой
Алагиров Т. А., 1912 г. р., г. Терек
Аппаева З. А., 1903 г. р., с. В. Чегем
Аппаев Е. Т., 1876 г. р., с. Нижний Чегем
Аталикова К. М., 1906 г. р., с. Аргудан
Аталикова К. М., 1906 г. р., с. Аргудан
Атакуев Л. Т., 1888 г. р., с. Былым
Атакуев Х. А., 1900 г. р., с. В. Чегем
Афаунова С. К., 1885 г. р., с. Дейское
Афаунов М. Ц., 1897 г. р., с. Дейское
Афашоков Ж. М., 1884 г. р., с. Былым
Ахматов Х. А., 1895 г. р., с. Верхний Баксан
Ахметов Х. А., 1905 г. р., с. Баксаненок
Бабугоев Х. М., 1902 г. р., с. Залукокоаже
Бавоков А. Т., 1911 г. р., с. Урвань
Батова Х. Б., 1894 г. р., с. Урожайное
Бажева К. П., 1887 г. р., с. Куба
Байдаев Р. И., 1887 г. р., с. Байдаево
Байсиев М. Х., 1887 г. р., с. Н. Жемтала
Баксанова У. Б., 1888 г. р., с. Лечинкай
Бапинаев А. У., 1882 г. р., с. Былым
Барагунова К. М., 1881 г. р., с. Урожайное
Батчаева З. С., 1875 г. р., г. Тырнауз
Батчаев Х. Ф., 1883 г. р., п. Кашка-Тау
Башиева Н. К., 1885 г. р., с. Хасанья
Безроков А. Т., 1905 г. р., с. Второй Лескен
Беканова Ж. С., 1889 г. р., с. Нартан
Беккиева М. Х., 1890 г. р., с. Нижний Чегем
Беков К. П., 1890 г. р., с. Кызбурун II
Беков М. А., 1900 г. р., с. Верхние Ачалуки
Бекшиев М. А., 1910 г. р., с. Плановское
Бесланеева К. Х., 1885 г. р., с. Чегем-II
Бжеников Я. Б., 1891 г. р., с. Залукокоаже
Бленаов С. Х., 1918 г. р., с. Кахун
Бозиев К. И., 1883 г. р., с. Хасанья
Борчаев Х. Д., 1870 г. р., г. Тырнауз
Будаев А. К., 1885 г. р., г. Тырнауз
Гедгафова Г. Б., 1892 г. р., с. Заюково
Гедгафова Ш. Х., 1888 г. р., с. Заюково
Геккиев Д. Б., 1888 г. р., с. Бедык
Гуазова Р. Х., 1919 г. р., с. Аргудан

Гучапшев А. Т., 1920 г. р., с. Кызбурун III
Гяургиев К. Х., 1887 г. р., с. Арик
Даова Ж. Т., 1890 г. р., с. Шалушка
Даов Ш. К., 1915 г. р., с. Шалушка
Дауров А. У., 1920 г. р., с. Баксаненок
Дикинов М. Г., 1881 г. р., с. Заюково
Дышекова Г. Б., 1880 г. р., с. Нартан
Дышекова Д. Т., 1894 г. р., с. Лечинкай
Дышеков О. К., 1885 г. р., с. Куба
Дышеков Х. Т., 1892 г. р., с. Нартан
Емишева Ж. К., 1914 г. р., с. Карагач
Ережоков М. М., 1904 г. р., с. Баксаненок
Емкужев М. А., 1911 г. р., с. В. Куркужин
Жабоева Х. Ж., 1893 г. р., с. Яникой
Жаболиев Т. К., 1913 г. р., с. Аушигер
Жазаев А. Л., 1886 г. р., с. Былым
Жамбекова К. А., 1886 г. р., с. Нартан
Жамурзова Н. П., 1877 г. р., с. Кызбурун II
Желихажева К. Б., 1883 г. р., с. Н. Курп
Жашаева Ф. А., 1881 г. р., с. Гунделен
Жемухова Ц. Т., 1889 г. р., с. Заюково
Жеруков М. М., 1910 г. р., с. Аргудан
Жилов А. К., 1893 г. р., с. Урвань
Жилова Х. Х., 1890 г. р., с. Псынабо
Залиханов Д. М., 1885 г. р., п. Эльбрус
Иттиев Ф. К., 1870г. р., г. Тырныауз
Кадырова Б. К., 1887 г. р., п. Кашка-Тау
Кадырова Х. С., 1874 г. р., п. Кашка-Тау
Кадыров Х. О., 1887 г. р. п. Кашка-Тау
Кажаров М. М., 1898 г. р., с. Кызбурун II
Кажаров Х. Т., 1890 г. р., с. Кызбурун II
Казанова П. Х., 1890 г. р., с. Куба
Казиева Г. А., 1881 г. р., п. Кашка-Тау
Казиев М. Б., 1887 г. р., п. Кашка-Тау
Калабекова К. О., 1884 г. р., с. В. Чегем
Канкулова Ф. М., 1881 г. р., с. Куба
Карданова Б. Х., 1895 г. р., с. Шалушка
Карданова К. Х., 1898 г. р., с. Шалушка
Карданова С. Б., 1906 г. р., с. Залукокоаже
Кармокова З. И., 1888 г. р., с. Заюково
Каскулова К. К., 1885 г. р., г. Баксан
Келигова А. Б., 1921 г. р., с. Хурикау
Клишев И. М., 1911 г. р., с. Аргудан
Коздоков Х. Х., 1888 г. р., с. Заюково
Котепახов Х. И., 1914 г. р., с. Карагач

Кочесоков Х. К., 1880 г. р., г. Баксан
Крымукова Г. К., 1895 г. р., с. Залукокоаже
Кудаева М. А., 1888 г. р., с. Нартан
Кудаев М. О., 1909 г. р., с. Гунделен
Кулиева Ш. Б., 1886 г. р., с. В. Чегем
Кульбаева Н. А., 1890 г. р., п. Кашка-Тау
Кумыкова Х. Е., 1895 г. р., с. Заюково
Кумыков И. А., 1875 г. р., с. Заюково
Купова К. Т., 1886 г. р., с. Заюково
Курманова Ф. К., 1885 г. р., г. Баксан
Курманов З. Ш., 1912 г. р., с. Баксаненок
Кушхова К. У., 1899 г. р., с. Урожайное
Кушхова Ц. Г., 1888 г. р., с. В. Курп
Кушхов А. К., 1898 г. р., с. Заюково
Лиев Т. Е., 1913 г. р., Второй Лескен
Локъяева Ф. Ж., 1888 г. р., п. Кашка-Тау
Мазоков М. К., 1906 г. р., с. Плановское
Маргушева Х. М., 1905 г. р., с. Лечинкай
Макитов И. О., 1892 г. р., с. Былым
Макитов М. О., 1916 г. р., с. Верхний Чегем
Макоева М., 1890 г. р., с. Чегем II
Мамхегова М. Г., 1886 г. р., с. Куба-Таба
Маремова Х. Б., 1895 г. р., с. Нартан
Маремшаова Н. М., 1903 г. р., с. Залукокоаже
Маршенкулова А. Х., 1894 г. р., с. Заюково
Машекуашев Х. К., 1901 г. р., с. С. Черек
Машуков Т. Ф., 1920 г. р., с. Аргудан
Мизова Е. Ц., 1924 г. р., с. Аргудан
Мирзоев Х. Д., 1886 г. р., с. В Чегем
Мисрокова Л. М., 1925 г. р., с. Карагач
Мокаев М. Г., 1885 г. р., п. Кашка-Тау
Мокаев Ч. М., 1906 г. р. с. В. Балкария
Мусаев М. М., 1880 г. р., с. Дейское
Мусаев Х. К., 1897 г. р., г. Терек
Мушкаева С. И., 1911 г. р., с. В. Чегем
Накова С. Ш., 1880 г. р., с. Дейское
Нафадзоков М. Ж., 1917 г. р., с. Куба
Небежев Х. М., 1917 г. р., с. В. Курп
Огурлиев Х. И., 1888 г. р., п. Кашка-Тау
Оздоев М. Б., 1911 г. р., г. Назрань
Оршокдугов А. Т., 1925 г. р., с. Кызбурун III
Османов Х. Ш., 1902 г. р., с. С. Черек
Отаров Х. -М. С., 1913 г. р., с. Хасанья
Ошроева Б. Т., 1890 г. р., с. Арик
Пшиготижев З. А., 1894 г. р., с. Заюково

Пшихачева Ц. У., 1894 г. р., с. Шалушка
Пшихачев Х. М., 1903 г. р., с. Н. Куркужин
Пшукова Ф. В., 1890 г. р., г. Баксан
Сабанчиева К. Х., 1870 г. р., с. Заюково
Савкуев З. Е., 1922 г. р., с. Второй Лескен
Сарбашева Б. К., 1898 г. р., с. Яникой
Сарбашев Н. С., 1890 г. р., с. В. Чегем
Сижажева Х. А., 1887 г. р., с. Заюково
Соблирова О. А., 1886 г. р., с. Заюково
Таппасханов С. Ш., 1884 г. р. с. Яникой
Татарова Б. Х., 1910 г. р., с. Кенже
Таттаева А. О., 1912 г. р., с. В. Чегем
Таукенов Д. М., 1929 г. р., с. В. Балкария
Текуева Г. Б., 1886 г. р., г. Тырнауз
Теммоева Ф. Х., 1896 г. р., с. Бедык
Теунов М. М., 1891 г. р., с. Кишпек
Тохтамышев М. П., 1890 г. р., с. Куба-Таба
Туменова Ш. А., 1884 г. р., л. Кашка-Тау
Тхагапсоев Е. К., 1915 г. р., с. Лечинкай
Тхакахова К. Т., 1890 г. р., с. Дейское
Хабижева Х. Л., 1892 г. р., с. Псынабо
Хабитежева Х. Х., 1879 г. р., с. Псынабо
Хагажеева Б. И., 1894 г. р., с. Лечинкай
Хагажеева С. А., 1889 г. р., с. Лечинкай
Хагурова К. М., 1887 г. р., с. Заюково
Халишхов Л. З., 1927 г. р., с. Аргудан
Хапова Г. А., 1888 г. р., с. Заюково
Хапов К. Х., 1888 г. р., с. Заюково
Хацукова К. Ж., 1885 г. р., с. Жанхотеко
Хацукова Н. А., 1885 г. р., с. Заюково
Хашева С. А., 1890 г. р., г. Баксан
Хубиев Б. Х., 1929 г. р., с. Чегем II
Хуламханов К. К., 1899 г. р., п. Кашка-Тау
Хупова Б. Б., 1890 г. р., с. Н. Курп
Хуштова К. М., 1890 г. р., с. Урожайное
Чегембаева Д. А., 1903 г. р., с. В. Чегем
Чегемова К. А., 1888 г. р., с. Нартан
Чеченова Б. Э., 1888 г. р., п. Кашка-Тау
Чеченова Д. Н., 1888 г. р., с. Шалушка
Чеченова Н. К., 1885 г. р., п. Кашка-Тау
Шагирбаева К. Т., 1892 г. р., с. Нартан
Шагиров М. К., 1911 г. р., с. Второй Лескен
Шакова Д. Ш., 1903 г. р., с. Псынабо
Шакова Х. О., 1893 г. р., с. Псынабо
Шахмурзаев С. О., 1886 г. р., с. В. Чегем

Шебзухова Н. Х., 1905 г. р., с. Заюково
Шерхова К. Ц., 1890 г. р., с. Заюково
Шибзухова Б. Я., 1890 г. р., г. Баксан
Шигалуев А. К., 1887 г. р., с. Кызбурун II
Шидов А. Ш., 1901 г. р., с. Залукокоаже
Шогенова Т. Н., 1892 г. р., с. Заюково
Шогенова Ш. М., 1886 г. р., с. Заюково
Шомахов А. Д., 1892 г. р., с. Жанхотеко
Шомахов М. И., 1890 г. р., с. Заюково
Шорманов К. Ц., 1910 г. р., с. Н. Курп
Шугушева К. Ж., 1891 г. р., с. Заюково
Шурдумова Л. Т., 1883 г. р., с. Заюково
Шурдумова С. Д., 1882 г. р., с. Заюково
Шханукова Ц. П., 1886 г. р., с. Куба-Таба
Шхашемишев Х. К., 1903 г. р., с. Старый Урух
Узеева С. А., 1871 г. р., п. Кашка-Тау
Умаров М. Б., 1921 г. р., с. Малка
Эльдаров С. Ч., 1901 г. р., с. Кызбурун-II
Эттеева Ж. Ш., 1883 г. р., с. Нижний Чегем

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	3
Исторический процесс и фамильные наименования	4
От имени и прозвища — к фамилии	43
Этнические названия, топонимика и фамилии	64
Профессии в автропонимах	71
Заключение	80
Список информаторов	83